

АЛЕКСАНДР СОСКИН

ЛЕВ ЯШИН

Блеск сквозь слёзы

Александр Соскин

Лев Яшин. Блеск сквозь слезы

«Алгоритм»

2009

Соскин А. М.

Лев Яшин. Блеск сквозь слезы / А. М. Соскин — «Алгоритм», 2009

ISBN 978-5-457-52612-9

Среди давних и относительно свежих изданий о Льве Яшине книга старейшего спортивного журналиста Александра Соскина выделяется тем, что представляет собой наиболее полную биографию прославленного вратаря с параллельным анализом его спортивных и творческих достижений. Написанная с нескрываемой симпатией автора к своему герою, она меньше всего напоминает сплошной панегирик, привычный для других книг о Яшине, а скорее являет собой удачную попытку отобразить муки и радости живого человека со сложной, драматической судьбой, с присущими ему привычками, страстями, людскими слабостями.

ISBN 978-5-457-52612-9

© Соскин А. М., 2009

© Алгоритм, 2009

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	19
Бесценен, как шедевры «Прадо»	19
Страна знает своих героев	30
Покушение на правду	37
Глава третья	51
Истоки	51
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Александр Соскин

Лев Яшин. Блеск сквозь слезы

Глава первая

Капризные весы истории

Лет сорок назад, в те самые времена, которые я задеваю в этой книге, родились шуточные стишки о бесконечном переписывании истории в угоду очередному вождю, очередному режиму. В концовке издевательски звучало: «Так вот она, история – та самая, которая ни слова, ни полслова не соврет». В первых строках своего сочинения так и подмывает заверить читателя, что изображение моего героя и его эпохи придадут этим словам вместо иронического прямой смысл. Весы истории и без того капризны, чтобы подкручивать их, уподобляясь базарным торгашам, делающим мелкий гешефт на обвесе покупателя. Когда создавались и втихаря переписывались друг у друга язвительные стишата, никто не мог и предположить, что фокусники исторического обвеса научатся жонглировать ретрофактами почище выкормышей М.А. Сулова.

«Мы живем в печальное время искателей правды», – верно замечает известный публицист Валерий Кичин. Послушаешь этих искателей, и диву даешься: додумались и договорились до шельмования народа-победителя, выигравшего в Великой Отечественной битву за свою и чужую жизнь против фашистского рабства и гибели целых наций, маршала Г.К. Жукова сияются превратить из спасителя проигранных было сражений в губителя солдатских масс, а освободителей – в оккупантов.

Даже ретроспектива такого, казалось бы, невинного занятия, как спорт, подвергается вольному препарированию и прямым искажениям в угоду политической шизофрении. И вот уже шахматный мудрец Михаил Ботвинник предстает перед нами воплощением тоталитаризма, первая наша мировая победительница, «королева коньков» Мария Исакова – «партийной чемпионкой», а общепризнанный лидер мировых и отечественных вратарей всего XX века Лев Яшин – придуманной легендой. При этом им, «монстрам», противопоставляются другие большие спортсмены, выдаваемые то за предвестников свободы, то за носителей народного духа.

Таковыми измышлениями уценивается вечная благодарность первопроходцам наших спортивных побед за честное служение обществу и государству. В то время эти высокие понятия были нераздельны, и сколь неумно, столь же безнравственно сегодня бухгалтерски высчитывать, честь страны или социализма преобладала в их мотивации. Не приходит же в голову осуждать солдат Великой Отечественной войны, отправлявшихся в бой под громогласный клич «За Родину, за Сталина!».

Дай бог сегодняшним звездам служить своей стране, как прежние восходители, тот же Михаил Ботвинник. А что получил в ответ первый советский чемпион мира по шахматам? Только лишнее доказательство своей любимой идеи, что есть предел человеческому уму, но нет предела человеческой глупости. Властные безумцы советских и антисоветских времен обнаружили трогательное единство в нагромождении преград его компьютерным разработкам поистине государственного масштаба. Тоталитарные служаки ограничили шахматному патриарху выезд за рубеж, а демократические на последнем году его долгой жизни (1911–1995) закрыли доступ на Всемирную шахматную олимпиаду в Москве, куда он проник только как... почетный член Шахматной федерации Чешской Республики.

Не смыкаются ли с ними ретивые критики? Как будто им невдомек, что люди из советской спортивной элиты, выдаваемые теперь за порождение административно-командной системы, «вели себя в решающих матчах чемпионатов мира и Олимпийских игр как десантники на фронте». Эти слова принадлежат знаменитому спортивному врачу Олегу Белаковскому, не по рассказам знающему, и как было на войне, и как бились за победу наши футболисты, хоккеисты, другие атлеты, которых он множество раз сопровождал на олимпийские и другие крупнейшие спортивные форумы. «Свою седую голову до сих пор преклоняю перед их мужеством», – говорит Олег Маркович, но и из этого отборного строя спортивных воинов с особым чувством отзывается о Льве Яшине, положившем на футбол все свое здоровье.

«Искатели правды» презрительно относятся к спортивному фанатизму, якобы воспитанному советской системой. Но это не фанатизм, а горение души, от системы не зависящее. Его отчаянно вытравляет безбрежная коммерциализация спорта, но не вытравила окончательно, судя по финалам Кубка Дэвиса 2002, 2006 годов и Кубка федераций 2005 и 2008 годов, где российские теннисисты и теннисистки при всех своих миллионах костями ложились ради победы страны. Увы, среди спортсменов, как, собственно, во всем обществе, гораздо больше нравственно порченных, чем в незапамятные времена, их целые отряды, возглавляемые, к сожалению, футболистами с их волчьими аппетитами к баснословным барышам.

Кому-то давно ушедшая натура напоминает лавку древностей, в которых незачем, а то и противно копаться, для меня же это большой кусок жизни, поэтому, может быть, особенно возмущает бесцеремонность обращения с ретрофактурой некоторых ее поставщиков на рынок новой, свободной (видно, от всяких приличий) информации, а иногда и полная индифферентность к бывшему потребителю этого рынка. Оторопь берет, когда узнаешь, что полным-полно школьников и студентов не ведают, кто такие Михаил Иванович Глинка, Константин Эдуардович Циолковский, Илья Ефимович Репин – что же тогда говорить о футболистах прошлого?

Внук Льва Ивановича Яшина Вася Фролов, последовавший тоже по вратарским стопам и включенный в заявку «Динамо» на матчи премьер-лиги 2006 и 2007 годов, около десяти лет назад занимался в детской футбольной школе «Торпедо» и поделился тогда дома открытием, что про его деда однокашники, юные футболисты, слышать не слышали. Как-то мой знакомый, вполне интеллигентный врач и футбольный болельщик, только перешагнувший возраст Христа, спросил, над чем работаю. Я как раз приступил тогда к рукописи о Сергее Сальникове и поинтересовался:

– Знаете такого?

– К сожалению, нет, – развел руками собеседник.

Хоть смутился, и на том спасибо.

Уверен, подобное неведение в той же Англии исключено. Спросите британского фана в любом возрасте, и он вам объяснит, кто такие Дикси Дин и Джек Милберн. Похоже выглядели и наши болельщики в мои юные годы. И это несмотря на полное отличие от старушки Англии в снабжении любителей футбола достаточной информацией. Ее заменяла тогда футбольная молва, питавшаяся искренним интересом людей. В толпе футболоманов, каждый день часами торчавших у входа на Западную трибуну Центрального стадиона «Динамо» под сенью огромного фанерного щита с таблицей чемпионата страны, горячо обсуждалось не только положение команд в сей таблице, но и немеркнущие подвиги великих игроков.

Ветераны трибун с придыханием вспоминали завораживающие финты Сергея Ильина, а самого его провожали восхищенным взглядом, когда этот колобок катился со своим неизменным чемоданчиком из метро на родной стадион, где продолжал работать администратором динамовской команды. Мы цокали языком, будто видели наяву, когда в этих уст-

ных мемуарах зависала в высоченном прыжке огненно рыжая голова Федора Селина или, согласно легенде, ломали штанги смачные, увесистые удары Михаила Бутусова.

Уже начинающим журналистом в мае 1958 года я случайно попал на юбилейный пленум Секции футбола СССР, посвященный 60-летию отечественного футбола: в пресс-бюро Центрального стадиона имени В.И.Ленина, где я участвовал в работе над программой к матчу СССР – Англия, кто-то попросил отправиться туда, чтобы передать пакет Марку Борисовичу Розину (недавно скончавшемуся в возрасте 97 лет), и для этого милостиво снабдил пригласительным билетом в Октябрьский зал Дома союзов, где проходил пленум.

Я разыскал Розина в перерыве, застав беседующим за сценой с самим Михаилом Павловичем Бутусовым. Мое наивное сердце затрепыхалось от счастья, когда легендарный бомбардир пожал мне руку, да еще в джентльменском полупоклоне. Сидя в небольшом уютном зале, я испытывал такое же благоговение, заметив сидевших справа, слева, сбоку героев довоенного футбола. Вот Петр Ефимович Исаков по прозвищу Профессор, рядом примостился предшественник Бутусова, тоже знатный «забивала» – Павел Николаевич Канунников, а это непревзойденный кипер Николай Евграфович Соколов, тут же могучий хав Евгений Иванович Елисеев... Откуда я знал их всех в лицо, понятия не имею. И судя по общению на «Динамо» с себе подобными, не один я был из таких молодых, да ранних.

Из теперешнего же трибунного контингента, заметно, к слову, поредевшего, не всякий даже пофамильно припомнит гремевших еще не так давно футбольных звезд. Разве только ослепительных знаменитостей, вроде Льва Яшина или Эдуарда Стрельцова. Ответственный за маркетинг в издательстве «Книжный клуб», выпустившем десятка три красочных книг про старых мастеров, поведал мне, что высокопоставленный чиновник футбольного клуба «Динамо» на предложение издательства последовать примеру ЦСКА и приобрести для ветеранов и юной поросли блок таких книг о премьерях команды 40—50-х, как отрезал: «ФК «Динамо» существует с 1991 года».

А отрезал-то ни больше ни меньше – славную историю динамовского футбола, ведущую начало с 1923 года, вместе с самим Львом Яшиным, да еще Михаилом Якушиным, Алексеем Хомичем, Константином Бесковым, Василием Трофимовым и другими предшественниками бесславного ФК. И среди других причин опустила этот самый ФК на самое дно отрубленность динамовских традиций, вполне замененных некомпетентностью и алчностью клубного генералитета. Эти совсем не добры молодцы умудрились, не обидев себя, промотать вместе с бешеными деньгами и богатое спортивное наследство незабвенных игроков. Когда динамовская директория отказывалась хоть как-то отметить столетие того же С.С. Ильина, но не забывала оповещать по стадиону о своих днях рождения, это называется бесчестием. Не говорю уже о том, что сменяющие друг друга руководители динамовского футбола, какими бы бюджетами ни располагали и как бы ими не распоряжались, обнаруживают поразительное сходство в полном отсутствии чемпионских амбиций, которыми было заражено старое «Динамо». Мало того, что такой подход не вяжется с ослабевшими, но все еще тлеющими чаяниями поклонников команды, за 33 безнадежных года забывших вкус настоящего успеха. Это теперь, по-моему, не вяжется и с деловой амбициозностью нового владельца – мощного банка ВТБ, которому пора бы жалкое существование «Динамо» прервать. Хотя бы ради своей репутации!

Не хочу огульно хаять новые поколения. В чем-то они лучше наших, послевоенных. Хотя бы в том, что более независимы. Но не зря говорится, что человеческие недостатки суть продолжение достоинств. Независимость от прошлого, от заветов предков, пренебрежение к старшим, старости, старине, глухота к отзвукам истории, к доблестям рыцарей минувших времен, отрыв от корней и традиций легко пополняет реестр общественных пороков. И смыкается в своей аморальности с наплевиством на будущее, приобретающим не виданные ни в одной стране миллионные масштабы сиротства при живых родителях, бродяжничества,

наркомании, бесследного исчезновения и самоубийств детей. Отказ от исторического, национального, кровного, материнского родства трубит сигнал тревоги за инстинкт самосохранения нации.

Нужны колоссальные усилия власти и всего общества, чтобы шаг за шагом преодолевать эту социальную патологию, избавляться от амнезии, исторического беспамятства. «С чего это нам забивать голову историей, ковыряться в этом мусоре?» – спросил меня как-то молодой циник с напускным утомлением на пустоглазом челе. Вообще-то ответ на вопрос, для чего знать, для меня так же прост, как на вопрос, для чего жить. Жить, чтобы жить. Знать, чтобы знать. Знать, уважать, «ворошить» прошлое – естественная человеческая потребность, чтобы не быть Иванами, не помнящими родства.

Футбол не исключение – он ведь повод не только для тусовки и мордобития, как застолбили некоторые представления последнего десятилетия. Для нормальных людей футбол ценен и самодостаточен в разных проявлениях, будь то клубные пристрастия, эстетика игры, статистика результатов, судьба национальной сборной. И какое из них ни возьми, без обращения к истории не обойтись.

Футбол настолько социален и эмоционален, что немислим без постоянного обмена мнениями, горячих обсуждений, а те, в свою очередь, – без сравнений, сопоставлений в пространстве и времени. Слава богу, в новые времена то и дело мелькают перед глазами, наводя на параллели с нашим футболом, телевизионные образы сборных Бразилии и Германии, «Челси» и «Барселоны», Зидана и Рональдиньо. Но как не учитывать, что и мы располагали победительной сборной, что европейскому триумфатору 2005-го – ЦСКА предшествовала легендарная «команда лейтенантов» – ЦДКА, что образцами для подражания во всем футбольном мире признавались, а для нас и теперь должны служить Игорь Нетто и Лев Яшин. Не забудем, следуя китайской пословице, что «камни прошлого – ступеньки на пути в будущее».

Какой-то умница, кажется, Михаил Шолохов, сказал: «Кто мало знает, с того малый спрос», а у нас спрос с футбольного сообщества – игроков, тренеров, арбитров, администраторов – неизменно огромный (хотя и не удовлетворенный). Так что ретрофутбол требует внимания и достойного освещения. Интерес к нему отнюдь не антикварный, хотя и антиквариат по-своему любопытен. Но любопытства, может, еще хватает – любознательность в дефиците. Без нее же, без постижения глубин не извлечь уроки истории, а это насущно необходимо вопреки известному парадоксу: «главный урок истории в том, что люди не извлекают уроки истории».

Не зря молвят, что новое – это хорошо забытое старое. Если бы из советского опыта в новые времена был своевременно захвачен государственный подход к футболу, глядишь, не ужались бы в своем количестве и не проигрывали бы в качестве подготовки игроков детские футбольные школы, а их выпускники не срамили бы Россию в восьми(!) чемпионатах мира и Европы подряд. Свобода настолько застила глаза своим радетелям, что первым делом освободила их от элементарных государственных забот, придав хаос неуправляемости даже важнейшим сферам жизнеобеспечения, не говоря уже о «каком-то» футболе.

Между тем, и в «сороковые роковые, свинцовые, пороховые» он оставался делом государственной важности. Достаточно сказать, что основная масса мастеров футбола, наряду с видными учеными, музыкантами, актерами, подлежала освобождению от мобилизации в действующую армию. Были, таким образом, сохранены, как значились в документах, «штатные» футбольные команды, приступившие к соревнованиям в самый разгар войны. Эти матчи давали передышку изнуренным людям, служили предвестником мирной жизни, а едва она наступила, сразу стали и на годы оставались светлым пятном в довольно мрачном послевоенном существовании.

Приравненный в войну как важный род деятельности к науке и искусству, футбол и в 90-е, не менее мрачные житейским обвалом, сохранил с ними паритет, но уже в пренебрежительном отношении государства, иными словами, в мерзости запустения. Опомнились с преступным запозданием, когда уже забрезжила заря XXI века. Но возвращенный, кажется, из забвения и даже видоизмененный соответственно произошедшим переменам, государственный подход таит серьезные опасности. Недавнее прошлое настоятельно предупреждает, что государственная поддержка может потянуть за собой антиспортивное вмешательство сильных мира сего, подковерную борьбу за сферы приложения различных интересов. Законспирированная подноготная былого футбольного величия тоже по-своему поучительна.

История советского футбола хранит немало тайн. Огорчительно, что раскрыть их порой неизмеримо труднее, чем секреты политической истории или истории культуры, где гласность и свобода слова (при всех ее завихрениях) стерли уже немало белых пятен, как принято называть исторические пробелы и туманности. Футбол (как и весь спорт) оказался в проигрышном положении главным образом потому, что не располагает богатыми специальными архивами и внушительным отрядом архивистов и историков. Только три-четыре человека, разгребая архивные залежи, ищут футбольную истину в старых документах, в то время как открывшаяся с перестройкой относительная доступность партийных, государственных и литературных архивов используется многими десятками специалистов и публицистов, интересующихся более глобальными темами. Да и не все «телодвижения» властей, особенно в закрытом обществе, обязательно документировались. А в футболе, где ко всему полагалось скрыть запрещенное ФИФА вмешательство государства, – тем более.

Вряд ли кому-то придет в голову предположить, например, что существуют письменные следы руководящего указания освободить от работы тренеров сборной СССР Константина Бескова и Василия Трофимова после поражения в финале Кубка Европы 1964 года от «испанской фурии», как называют национальную команду этой страны. Приговор был зафиксирован постановлением президиума Федерации футбола СССР, а она, как известно всякому, кто имел даже отдаленное касательство к «королю спорта», самостоятельно никогда не принимала серьезных решений и только оформляла распоряжения вышестоящих партийных и государственных чиновников. Но если в этом случае легко догадаться о причинах подобного развития событий (поражение от «франкистов», да еще на глазах ненавистного генералиссимуса), то во многих других пружины поистине удивительных явлений футбольной действительности допускали самые разноречивые толкования.

При таких обстоятельствах на помощь обычно приходят исторические исследования и воспоминания очевидцев или участников событий. Исследованиями в футболе и не пахнет, с мемуарами чуточку лучше. Но если в общественно-политической, литературной, артистической среде мемуаристов пруд пруди, то футбол и здесь отстает. Футболисты и тренеры не столь «писучи», как государственные, ученые и литературные мужи, режиссеры и актеры, чье предложение разных точек зрения на одни и те же события пусть и не стопроцентно удовлетворяют спрос на истину, но более или менее приближают к ней. В футболе же при скудости первоисточников такое приближение зачастую проблематично.

В советские времена наиболее плодовитыми и интересными мемуаристами зарекомендовали себя основатели «Спартака» братья Николай и Андрей Старостины, выпустившие по нескольку ярких книг. Но из них только «Футбол сквозь годы» Н.П. Старостина появился в эру гласности (1989), когда люди, не связанные прежними табу, стали вольны высказывать все, что наболело. В эти же и более поздние годы накатила целая волна мемуаров и жизнеописаний игроков, правда, историческая публицистика осталась уделом немногих энтузиастов.

Тем не менее история футбола стала объемнее, окрасилась человеческими переживаниями, пополнилась любопытной фактурой, но все же достаточно бедна, если сравнивать с другими сферами общественных интересов и потребностями в ликвидации собственных белых (по сути-то скорее темных) пятен, неразгаданных тайн.

Истоки неполноты наших исторических представлений следует искать и в информационной скупости советской прессы. Это, разумеется, относится также к футболу, которому было указано свое место на задворках политической информации, тем более что до 1960 года, когда появился на свет одноименный еженедельник, народная игра не располагала даже специализированным информационным источником. В единственной, но малообъемной спортивной газете («Красный», впоследствии «Советский спорт») привилегированное положение футбола среди спортивных дисциплин с трудом прорывалось сквозь навязанное сверху ложное представление об их равенстве, но все они ущемлялись в объеме материалов заданной сверху обязательностью широкого освещения всевозможных физкультурных починов.

Если, допустим, многостраничная британская, да и любая «буржуазная» пресса с какой-то даже плотоядностью нездорового интереса отслеживала любые подробности футбольной жизни, составившие позднее каркас исторических сюжетов, то советская печать не могла построить его для будущих поколений в силу этих самых «территориальных», но главным образом идеологических ограничений. Мало того что футболу негде было разгуляться, резервные строки и полосы не всегда могли ему пригодиться, ибо нельзя было распространяться то об одном, то о другом. Фигура умолчания в идеологическом раже дополнялась приглаженной, затуманенной, а то и вовсе искаженной информацией. В общем, советская пресса была не в состоянии стать достаточным историческим источником.

Упущенные мной самим возможности в реконструкции важных эпизодов биографии отечественного футбола выдают и нашу общую журналистскую вину в нежелании или неготовности заниматься историческими разысканиями. Очки, голы, секунды часто заслоняли от журналистов подоплеку спортивных событий, живую плоть явлений и характеров. Мы мало интересовались суровыми реалиями внутрикомандного существования, редко заглядывали за границы футбольного поля во многом еще и потому, что в силу цензурных ограничений эти реалии не были востребованы открытой печатью. Нет чтобы проявить естественный человеческий интерес – пусть не для печати, так для себя, как говорится, для внутреннего пользования, – но были, прямо по Пушкину, слишком ленивы и нелюбопытны. А когда по прошествии времени бросились вдогонку за событиями, расспрашивать стало некого или бесполезно – их участники и очевидцы поумирали или многое позабыли. Так образовались исторические лакуны, а если они закрывались, то порой односторонними, не всегда беспристрастными суждениями.

Все эти лимиты и упущения легко просматриваются на примере такого распространенного у нас (более чем где-либо) явления, как договорные игры. О них начали шушукаться еще в 60-е годы и даже немного заговорили вслух в 70-е, но идеология советской эпохи ставила преграду даже намекам на обобщения, признанию таких подтасовок опасным социальным феноменом, таящим реальную угрозу разложения спорта и спортсменов. Чистоту советского мундира власть опасалась замарать и выведением на чистую воду виновников и практиков купли-продажи матчей, как это решительно сделали в конце 70-х итальянцы, не пожалевшие даже великий «Милан», и французы, в начале 90-х отдавшие на растерзание обещавший стать великим «Марсель», а уже в начале XXI века объявили войну махинациям в Германии, Бразилии и снова в Италии – странах неоднократных чемпионов мира.

Но не зря говорят, что тот, кто пренебрегает уроками прошлого, обречен пережить его вновь. Никакие уроки из «нашенской» истории этих фальсификаций извлечены не были, корни не вырваны, и в новые российские времена, с полной коммерциализацией футбола,

расцветом крупного и мелкого мошенничества во всей экономике, о подкупе игроков и арбитров неведомо только слепым и глухим. Но шила в мешке не утаишь, и рано или поздно оно выползет наружу. Примеры налицо.

В 2001 году в телепрограмме «Независимое расследование» Евгений Ловчев сделал сенсационное разоблачение, признав, что три десятка лет назад отдавали очки за мзду даже спартаковцы. Почему «даже»? Да потому, что в общественное мнение усиленно внедрялось убеждение: продажей игр занимался кто угодно, только не «Спартак». Как и Ловчев, не сомневаюсь ни секунды, что руководители команды той поры Николай Старостин и Никита Симонян не имели к этому позору никакого отношения, от них несколько мздоимцев свои махинации тщательно скрывали (как и динамовские прохиндеи – от Льва Яшина). Но полагая, что прекрасные спартаковские традиции представляют собой пожизненную прививку от продажности, Николай Петрович лишь укрепил свою репутацию неисправимого романтика, по крайней мере в некоторых подходах к футболу. А романтики при всей их привлекательности и явном гражданском превосходстве перед циниками, что ни говорите, порой теряют чувство реальности.

Потому-то я никогда не был уверен в полной достоверности ярких воспоминаний Н.П. Старостина. Прежде всего по той причине, что ему свойственна некоторая идеализация «Спартака» (и подозрительность к другим клубам), а история не признает ни односторонности, ни умиленности (не допускаясь, мне кажется, Ан. П. Старостиным). Объективность исторических суждений вырисовывается обычно в столкновении мнений и оценок, и если, скажем, в истории Великой Отечественной войны или истории литературы каждое заинтересованное лицо имеет возможность, суммируя и процеживая аргументы и факты, выбирать для себя наиболее приемлемые по убедительности, то применительно к футболу какое-либо «штучное» свидетельство зачастую остается доминирующим, а то и единственным. Это относится и к литературному наследству братьев Старостиных, особенно к их взгляду на события 20—30-х годов.

Николай Петрович и не скрывал, что всегда судил о происходящем под спартаковским углом зрения, даже подкреплял свою позицию пушкинской строкой: «Но царь смотрел на все глазами Годунова». Примеров тому немало. Вот самый известный, когда футбольный патриарх в своих мемуарах обошел явную скандальность спартаковской победы 1937 года над басками со счетом 6:2, сопровождавшейся демонстративным уходом гостей с поля в знак протеста против засчитанных голов из офсайда и выдуманного пенальти, так что вернуть их к игре смогли лишь уговоры кого-то из советских лидеров, будто бы самого В.М. Молотова. Николай Петрович помянул мимоходом лишь этот пенальти, оценив его «глазами Годунова» как стопроцентный.

Более любопытным и показательным в старостинской версии давних событий мне кажется вот что. «Спартак» запоминается чуть ли не главной жертвой верховно-политических козней, грубого бериевского произвола. Смею вас уверить, что «Спартак» во властных преследованиях не одинок. Можно напомнить и хрестоматийный пример разгона ЦДСА в 1952 году, и малоизвестную реакцию Л.П. Берии на жалобу в 1947 году вечно засуживаемых тбилисцев, к которым он якобы благоволил, – выгоняя из кабинета Бориса Пайчадзе и Гайоза Джеджелаву, сатрап кричал им вслед: «Ты посмотри на них, идут на втором месте и еще недовольны. После Москвы, впереди всех республик. Москва есть Москва – зарубите себе на носу». Зарубить они не пожелали, и в 1953 году, уже после Берии, верховные жрецы, аннулировав чистый выигрыш у «Торпедо», первенство у них отняли как раз в пользу «Спартака».

Так что далеко не всегда спартаковцев можно было отнести к жертвам политических страстей. В иные времена они ходили и в фаворитах высокопоставленных вельмож. Рассказывая в своих мемуарах о 12-летнем (1977–1988) периоде совместной работы с К.И. Бесковым, Николай Петрович как партизан молчит об активном патронаже спартаковского

болельщика № 1 – члена Политбюро, впоследствии Генерального секретаря ЦК КПСС К.У. Черненко, благодаря кому и стал возможен перевод Бескова, действующего офицера МВД, на гражданскую службу и решались неподъемные для других (исключая подшефных В.В. Щербицкому динамовцев Киева) кадровые, материальные, бытовые проблемы «Спартак».

Да и с пресловутым Берией у Николая Петровича не сходятся концы с концами. На него Старостин возлагает прямую вину за беспрецедентную переигровку кубкового полуфинала 1939 года уже после разыгранного финала, когда это обстоятельство не помешало принять протест тбилисского «Динамо» на полуфинальный результат (0:1). Но собственное расследование этих невероятных событий привело меня к большущему сомнению, что переигровка – дело рук Берии.

Только появившийся в Москве, не обросший связями, еще не ставший полноправным членом Политбюро (пока только кандидатом), по горло занятый по заданию И.В.Сталина восстановлением дотла разрушенной репрессиями легальной и нелегальной разведки, Берия вряд ли мог оказать решающее влияние на решение пусть не самого важного для страны, но достаточно деликатного футбольного вопроса. Особенно после того, как по протесту ленинградских рабочих был на самом верху отменен перевод оттуда (под маркой воинского призыва) Александра Пономарева в «Динамо», а Василия Проворнова в ЦДКА.

Кое-какие факты, в том числе и приведенные в старостинских воспоминаниях, натолкнули меня на предположение, что закоперщиком злосчастной переигровки был А.А. Жданов. Он уже считался политическим тяжеловесом, недаром безнаказанно при случае произносил: «Мы с товарищем Сталиным решили...» Не чуждый футбольных страстей, замеченный (в отличие от многих других политических небожителей) в служебных подтрибунных помещениях, вмешивался в решения о переходах игроков и, представляя в верховной власти Ленинград, мог быть прямо заинтересован в пересмотре результата полуфинала. Не за тем ли, чтобы обеспечить вслед переигровку финала, где «Спартак» успел победить (3:1) ленинградскую команду «Сталинец»? Но этому не суждено было случиться: спартаковцы молодцы – вторично обыграли тбилисцев (3:2), так что коварный замысел рухнул. И в данном случае геростратова слава скорее принадлежит Жданову, чем Берии. На том висит столько неблагоприятных и преступных деяний, что «приписки» ничего не меняют, да и вообще ни к чему.

Так что вопреки уверенности Александра Нилина, будто «у нас никогда не будет оснований не доверять благородным братьям Старостиным», я, как видите, позволяю себе покуситься на «святое», выставляя против версии авторитетного Н.П.Старостина свою, основанную на изучении политического расклада, так что интересующиеся историей футбола могут выбирать из разных гипотез. И совсем уж рискую взять под сомнение это самое благородство, в котором сам был уверен и по делам Николая Петровича, и по личному знакомству. Но незадолго до того, как сел за эту рукопись, услышал от известного историка футбола Игоря Добронравова, которому полностью доверяю, об одном эпизоде, рассказанном ему внушающим не меньшее доверие Сергеем Сергеевичем Ильиным.

В сентябрьско-октябрьские дни 1941 года, когда немецкие захватчики стояли уже у порога Москвы, тот случайно встретил на улице Горького, ныне Тверской, Николая Петровича. Давно не виделись и разговорились. «Никогда не забуду, – это слова из интервью Сергея Сергеевича, – как весьма знаменитый футболист команды соперников – он и сейчас на гребне славы – с ехидцей стал выражать динамовцам сочувствие за те тревоги, которые они испытывают, за их возможный расстрел как агентов НКВД, если гитлеровцы войдут – а он был в этом уверен! – в столицу. «А нам, – добавил он, – все равно, что Сталин, что Гитлер, мы, футболисты, проживем при любом режиме».

Немея от такого неприятного открытия, не приходится утешаться даже слабым предположением, что это был мрачный юмор, неудачная шутка, да и в шутниках Николай Петрович никогда замечен не был. Вот такую неожиданную окраску приобретает вопрос, верить

ли безоговорочно «благородным братьям Старостиным» (хотя они не одним миром мазаны, и мне, например, были симпатичнее, хотя бы большей объективностью, насмешливо-ироничный интеллектуал Андрей Петрович и степенный, далекий от околоспортивной суеты Александр Петрович). Но я так надолго задержал внимание читателей вовсе не для того, чтобы подставиться под упреки за попытку дискредитировать Н.П.Старостина.

Сразу оговариваюсь: жаль, что редакция журнала «Динамо-футбол» (№ 1, 1992), поместившая обширное интервью с С.С. Ильиным, обнародовала процитированную выше версию без персонального упоминания (но с достаточно прозрачным намеком на Н.П.Старостина, а редактировавший журнал И.С. Добронравов подтвердил мне, что речь шла именно о нем). Жаль потому, что лишила Николая Петровича возможности ответить.

Вопрос о том, надо ли публиковать непроверяемые сведения, всерьез давно не обсуждается. Если они представляют общественный интерес, ответ утвердительный. Лиши мемуаристику или жизнеописания свидетельств подобного толка, уберди диалоги и другие подробности, не подлежащие документированию, такие публикации потеряют половину исторической ценности и читательской привлекательности. Другое дело – кому и чему верить. Это каждый решает для себя. В данном конкретном случае, признаю, я просто теряюсь.

Такого рода информация наших людей способна шокировать, а в так называемых цивилизованных странах привычнее иное, раздельное отношение к разным граням личности: если даже поверить, что прискорбный факт имел место, разве может быть подвергнута сомнению историческая роль Н.П. Старостина в создании и процветании «Спартака», в биографии отечественного футбола? Точно так же, как реакционные политические взгляды Кнута Гамсуна или Герберта фон Караяна не отменяют их литературной либо музыкальной грандиозности. Но воспроизведенная здесь версия понадобилась в данном контексте для понимания, что вес имени – не охранный грамота от ошибок и заблуждений самых авторитетных лиц, так что стоит поостеречься от слепого доверия их мнению.

Предметный разбор громких футбольных событий, который выше воспроизведен в кратком изложении, лишь подкрепляет вред монополизации в исторических суждениях и осуждениях. Старостины, разумеется, не виноваты в монополии на освещение перипетий 30-х годов. Наоборот, честь и хвала им за то, что сочно, образно, объемно воссоздали общественную и спортивную атмосферу того времени, на многое открыли нам глаза. Беда в том, что больше никто из мемуаристов не высказался на те же темы достаточно внятно, а одиночные исследователи ничего иного ни в архивах, ни в прочих источниках не раскопали.

В отражении футбольной действительности 50—60-х и тем более последующих годов прежней монополии формально уже не существует. Но ошибочно полагать, что исторические подвохи, вроде упомянутых, нам уже не грозят. Судите сами. В последнее время появилось немало мемуаров, биографических книг, интервью с ветеранами, журналистских публикаций об эпохе Нетто – Яшина – Стрельцова. Но на фоне этого многоголосья прямо-таки выпирают настойчивые попытки отдельных лиц в бесчисленных книгах, статьях, телевизионных выступлениях агрессивно навязывать свои взгляды и даже целые исторические концепции, противостоящие точке зрения мемуарного и публицистического большинства. Фактически мы имеем дело с претензиями на своеобразную монополизацию в трактовке футбольных событий и их ключевых фигур. И такое своеобразие больно, несправедливо цепляет Льва Ивановича Яшина.

Неагрессивное как раз-таки большинство (вопреки известной формуле «рупора демократии» Ю.Н. Афанасьева) в своих высказываниях нового времени лишь добавляет любопытные штрихи в привлекательный портрет Яшина, который сложился еще в годы его выступлений на футбольных аренах. Правда, тогда этот портрет, напоминая творения Александра Лактионова и Александра Шилова, отдавал некоторой приторностью в духе приня-

того пропагандистского стиля советской эры. И первые негативные черточки, внесенные в привычный яшинский образ, можно было расценивать как реакцию на такой перебор. Но позже в нагнетательности выпадов, брызжущих из-под одних и тех же перьев, я уловил вполне определенную позицию, направленную на недружественное умаление личности и заслуг Яшина за счет искусственного возвышения других фигур. А это уже иная историческая конфигурация.

И вот результат. У футболиста-новатора отнимается и присваивается другим вратарем патент на изобретение неведомого прежде оригинального игрового приема, футбольный трудоголик оказывается отъявленным лентяем, почти патологический скромница, лишенный всякого пафоса в поведении и каких бы то ни было, в том числе материальных привилегий перед остальными футболистами, превращается в «номенклатурное» лицо. Что ж, знаковая уже нам история – «та самая, которая...».

Я и прежде, в 60—70-е годы, немного писал о Яшине. Но когда начитался летописного новодела, возникла неодолимая потребность защитить его от кощунственных нападок. Признаюсь, спрашивал себя: а нуждается ли Яшин в защите? Он же защищен безупречной национальной и международной репутацией, непререкаемостью знаков официального признания в футболе, не напускным, искренним уважением коллег – от Пеле до Сергея Овчинникова. Защищен и народной памятью – во множестве живы-здоровы люди, видевшие его в деле, а им абсолютно ничто, кроме разве что случающейся иногда слепой клубной враждебности, не мешало отложить в сознании образ, даже символ вратарской, игроцкой, спортивной, человеческой надежности, которая до самой верхотуры стадионов доносила, а на телеэкранах только укрупняла профессиональную ответственность и мужество этого человека.

Если Яшин и нуждается в защите, то лишь от недобросовестных интерпретаций, заразных прежде всего для новых поколений любителей футбола, ибо сами они наблюдать его не имели возможности, а потому полностью открыты для чужих впечатлений. Тем более что негативная информация особенно соблазнительна для неразборчивой публики, впитывается ею сладострастно. Так что защитить Яшина – это в первую очередь защитить правду, пусть от единичных, но языкастых толкователей, ловко, а иногда даже талантливо, что особенно опасно, перемешивающих реальные представления с извращенными.

И совсем не удивляет, что в стране сплошных извращений, где старики содержат на нищенскую пенсию безработных или беззарплатных взрослых чад, где уродливость рыночной экономики провоцирует массовое обращение к натуральному хозяйству (а без участков и огородов многим не выжить), где запуганные граждане боятся не только преступников, но и милицию, где матери бросают новорожденных, а толпы беспризорных и бомжей рассеиваются по городам и весям, где воры сидят не в тюрьме, а в роскошных поместьях и властных кабинетах, совсем уж ничего не стоит извратить правду о каком-то футболисте, будь он хоть трижды мировое светило.

И чего добились, если естественный протест против прежнего идеологического единообразия и идеализации признанных героев оборачивается отнюдь не джентльменским набором инсинуаций, наговоров, подковырок? Между прочим, это дурно характеризует и общественную атмосферу, толкающую конвертировать свободу мнений в откровенные или завуалированные выпады.

Чудной мы все-таки народ. Как никто озабоченные своим национальным величием и крутой кривой его падения, недовольные западной скупостью в признании наших ученых, писателей, кинематографистов, звезд шоу-бизнеса, зажимом наших спортсменов, реализуем сей комплекс неполноценности принижением тех немногих, кто наподобие Яшина, ценим и почитаем остальным миром. Что ж, мировое общественное мнение для нас не указ. Или, как подметил Владимир Высоцкий, «мы сами знаем, где у нас чего...».

Потому-то, среди прочего, нас и не понимает Европа. Когда она носилась в 70-х годах с советскими диссидентами, начисто забытый уже Тарсис, оказавшись в Англии, быстро потерял к себе интерес и уважение, потому что беспрерывно и грубо «поливал» Л.И. Брежнев, а неуважительное отношение к национальным лидерам там не принято. Фильм Александра Сокурова «Телец» потому и был фактически отвергнут на Западе, что ни критика, ни публика так и не смогли понять, как можно было показывать В.И. Ленина идиотом – «вы можете не принимать его идеологию, можете даже ненавидеть, но это одна из крупнейших личностей XX века, оказавшая влияние на весь его ход». Цитируя этот итальянский комментарий к сокуровскому пасквилю, я размышляю о том, почему хулители Яшина, да и не его одного, не позволяя, слава богу, подобных крайностей, все же не желают отказывать себе в удовольствии замахиваться на Гулливеров, выкрикивать гадости им вдогонку, или, как говорится, кусать льва (еще и по имени Лев) за пятку.

Чем бы ни были мотивированы попытки переоценить некоторые футбольные ценности, вытащить по кирпичику из яшинского пьедестала, оттяпать кусочек его славы – личными ли предубеждениями, неумеренной политизацией суждений или завистью пары коллег по вратарскому цеху – все это проделки людей из племени кусочников. Такого слова не найти ни у В.И. Даля, ни у С.И. Ожегова. Оно скорее всего жаргонное, зато точное. Им послевоенная ребячья наделяла жлобов, мелких и мелочных людей, которым что-то жалко для других. Кусочники поскупились даже на элементарную лояльность к Яшину.

Общероссийский дефицит душевной щедрости нашел выражение в крохоборстве кусочной дозировки добрых намерений. Для Яшина их оказалось жалко и в родном «Динамо». К 70-летию Льва Ивановича (1999) рассматривалось предложение присвоить московскому стадиону «Динамо» второе, яшинское имя. Однако тогдашний шеф футбольного клуба Николай Толстых это предложение отверг. Взял в союзники динамовских ветеранов, которые идею восприняли ревниво и не поддержали. Может, им действительно трудно было понять, что единственный динамовец, кто тянет на положение знаковой фигуры, на международный пиетет, это Яшин. Но для понимания динамовских руководителей было вполне доступно. Так нет, они заручились еще отрицательным мнением вдовы Яшина – Валентины Тимофеевны. Как сам прославленный вратарь никогда не кичился, что он Яшин, так и жена не была приучена выставлять его славу напоказ.

Но вот Толстых, немало повинный в том, что «Динамо» при равных стартовых условиях проиграло российскую дистанцию почти всем столичным клубам, вынужден был передать бразды правления динамовским футболом Юрию Заварзину. Смена власти никоим образом не улучшила, только усугубила положение команды, однако новые хозяева положения преподнесли как прогресс внимание к памяти Яшина. Идея присвоения стадиону имени первого вратаря мира была вытащена из архива, но оказалась реализована в усеченном варианте: так решили назвать только одну трибуну – почему-то Западную.

Уверен, как и многие другие, что Яшин заслуживает всей полноты добрых начинаний. Правда, есть такие, кто считает, что это нормально – в той же Англии именами известных игроков называют трибуны стадионов и даже какие-то сектора стадионных территорий. Но Англия – в данном случае не лучший пример, который следовало бы взять за образец. Там длиннее и богаче история футбола, она полна знаменитостями – стадионов не хватит. Да и традиции английского консерватизма не позволяют менять, даже модернизировать названия, существующие по сотне и более лет.

Мне почему-то ближе другие примеры: в Милане стадион «Сан-Сиро» носит второе имя – знаменитого форварда 30-х годов, двукратного чемпиона мира Джузеппе Меацца; в Ливорно местная арена названа в память лучшего «либеро» 60-х Армандо Пикки; в Мадриде стадион «Чамартин» получил имя владельца «Реала» золотой поры 50-х Сантьяго Бернабеу; переименованием стадиона в Будапеште золотыми буквами вписан в историю своего

родного клуба «Кишпешт – Гонвед» феноменальный Ференц Пушкаш; в Кайзерслаутерне к названию городского футбольного ристалища добавлено имя местной мегазвезды – капитана сборной ФРГ, чемпиона мира 1954 года Фрица Вальтера. Я уже не говорю о том, что у нас и в ближнем зарубежье сложилась традиция нарекать великими именами стадионы не кусками, а целиком. Так в Москве увековечены Григорий Федотов, Всеволод Бобров (ледовый дворец ЦСКА), Эдуард Стрельцов, Игорь Нетто, в Тбилиси – Борис Пайчадзе, в Киеве – Валерий Лобановский.

Лев Яшин достоин подобного отношения ничуть не меньше, если не больше. Память о нем, правда, закреплена и в двух скульптурных композициях (на «Динамо» и в Лужниках), и в названиях Фонда социальной защищенности спортсменов, детско-юношеской футбольной школы, переименованной (2007) в Центр подготовки футболистов «Динамо», той самой трибуны динамовского стадиона. Но как-то разменена по более дробным объектам, а махина-стадион напоминал бы о такой заметной фигуре крупно и зримо. В полном соответствии с тем, что Яшин воспринимался современниками и вписался в историю как глыба, скала, как живая эмблема целой футбольной эпохи и принадлежащего ей поколения победителей. Слава богу, эта очевидность легко поддалась пониманию новых владельцев ФК «Динамо» из крупного банка ВТБ, озвучивших свое намерение присвоить имя вратаря динамовской арене после грядущей реконструкции.

Наиболее отчетливо и выпукло представлял Яшин свое боевое поколение – не советских роботов, какими их теперь силятся иногда изобразить, а людей, на которых можно было положиться. Гулкое эхо той поры важно уловить без скрежета «железом по стеклу», когда знакомые мелодии искажены чужеродными звуками модных сегодня аранжировок. Хочу заразить читателя собственным убеждением в том, что и сквозь фильтр времени Яшин, прямо по известной песне, «каким был, таким остался». Специалистом своего дела, каких футбол не знал, да и сейчас не знает, а вдобавок к тому славным человеком.

В наше бесславное, глухое время это теплое слово как-то выпало из употребления. Еще не так давно, когда хотели о ком-нибудь хорошо отозваться, так и говорили: славный парень. Вспомним опять-таки «славное море, священный Байкал». У Льва Яшина слава поистине байкальская, уникальная. Но «слава человека» и «славный человек», хоть и общего корня, бывают разведены самой жизнью. Эти понятия достаточно редко совмещаются в одном лице – большие таланты, как правило, эгоистичны, капризны, а то и совсем неприятны. Однако к Яшину это правило не имеет никакого отношения. Он потому и славный человек, что в ореоле всемирной славы не превратился в памятник самому себе, не изменил своей совести, остался таким же доступным, сохранил непритязательность, открытость, дружелюбие.

Жизнь Яшина, долгие годы казавшаяся безоблачной, обильно вознаграждала его за верную службу футболу, своей команде, своей стране, но и порядком трепала. Спортивные заслуги, высоченный авторитет в глазах спутников по ремеслу и трибунного многолюдья, сыпавшиеся со всех сторон почести во многом заслоняли и камуфлировали драматизм немилостивой судьбы. Видно, так у нас заведено, что даже славный человек, всеобщий любимец, и при жизни не мог избежать несправедливости, черствости, зависти, одиночества. Да еще удары по здоровью оказались более безжалостны, чем удары по воротам. Но он держал и их с той же стойкостью.

Мне повезло – многие десятки раз я видел Яшина в деле, был достаточно знаком с ним, хотя и не так близко, как мог бы при его контактности вообще, со мной, в частности (но сам виноват, потому что принципиально не желал входить в слишком дружеские отношения с футболистами – из опасения, что не смогу, как полагается журналисту, оценивать их объективно). За много лет вдоволь начитался о нем в наших и зарубежных источниках, наслушался тех, кто знал его лучше и дольше меня. Вынося на суд читателей прежде всего авторское представление о легендарном вратаре, мне кажется важным познакомить их со взглядами

самого Яшина, а также отразить широкий спектр мнений о разных сторонах его человеческой и творческой личности. Так что в собственные наблюдения и впечатления намеренно вживляю наиболее интересные отзывы, извлеченные из груды суждений по признакам их информативности, доказательности, тонкости, афористичности и... неприемлемости, чтобы сразу же оспорить стремление навести тень на плетень.

Один отзыв, больше похожий на пророчество, спешу привести сразу же. Вот что я вычитал во французском альманахе «Футбол» за 1962 год: «Существует ли продукт, который портился бы скорее, чем спорт? Нет, не существует, ибо одно достижение быстро перекрывает другое. Но время от времени какой-либо выдающийся спортсмен сопротивляется эрозии забвения. Мы не боимся ошибиться в прогнозах: такая счастливая участь выпадет Льву Яшину». Эти слова оказались вещими.

Время в футболе бежит особенно стремительно. Быстротечная смена матчей и турниров, лихорадочная ротация игроков заслоняют и все дальше отдвигают от нас былых кумиров. Но и через 35 с лишним лет после ухода Яшина со сцены среди сегодняшних наших фанатов, даже не обремененных тягой к прошлому, вряд ли найдется такой, кто не слышал бы этого имени, оно и сейчас произносится с придыханием. Имя-то по-прежнему на слуху, а вот за какие такие заслуги попало в Пантеон вечной памяти, многие имеют весьма смутное и приблизительное представление. Поэтому и важно предварить биографические подробности сеансом посвящения в секреты особой живучести этого имени – что значил и значит Лев Иванович Яшин в футболе, каким драгоценным сокровищем виделся и видится коллегам, каким близким и понятным открылся простому стадионному люду.

С живых впечатлений о Яшине, сразу задающих планку в профессиональной и народной оценке его места в футбольной, спортивной, во всей российской истории, и начинаю путешествие вглубь биографии замечательного вратаря, которая этот высший балл шаг за шагом накапливала. Канва спортивных событий заодно превращается в главную козырную карту, которая сама по себе бьет рассказы злостных выдумщиков. Казалось бы, нет резона специально вступать в спор, создавая им лишнюю рекламу одним только неоднократным упоминанием. Однако даже очевидные факты, а тем паче неоднозначные, подаются порой настолько предвзято, что эти толки явно нуждаются в полемическом сопровождении. Начиная уже с просветительского «предупреждения», каковы статус, вес, влияние Яшина в футбольном мире, – разве можно закрыть глаза на поползновения тем или иным макаром сбить ему цену, поколебать заслуженное делами положение на вратарском, вообще игроцком подиуме? Локальные, даже совсем мелкие поводы тоже не останавливают доброхотов от ядовитых укусов. Долголетняя бомбардировка читающей публики наскаками на Яшина уже отравила сознание части болельщиков – сам убедился в общении.

Почти пушкинским советом «не оспаривать глупца» мешает воспользоваться один нюанс. Даже кое-кто из благожелателей, посвященных в подробности замысла, предостерегал меня от излишнего присутствия в этой книге ополчившихся на Яшина «пигмеев»: «Их жалкие потуги давно забыты, не стоит всякие поклепы реанимировать, снова вытаскивать на белый свет». Увы, не забыты, как раз-таки, возможно, потому, что принадлежат не глупцам, не пигмеям, а персонам с тем или иным весом в спортивной среде. Не секрет, что на знакомые имена больше всего клюют легковверные. И если оставлять зловерные выплески без контрдоводов, они так и будут вольготно гулять по белу свету. К тому же лежащую перед вами книгу можно рассматривать как некоторого рода свод мнений о Яшине. Подпиливать его замалчиванием сомнительных оценок нет нужды. Пусть люди получают представление о разных подходах. Пусть в конце концов усвоят, что можно ждать от тех самых узнаваемых лиц, кто позволяет себе зарваться или завратиться.

Верно заметила когда-то Марина Цветаева: «Читатели газет – глотатели клевет». Если бы только газет! Отравы уже перетекла из периодики в книги (особенно уважаемого некогда

издательства «Молодая гвардия»), придавая кривотолкам несиюминутный заряд. Вот и ответ требуется адекватный, книжный. Но если тема сей вступительной главы и обстоятельность исторического захода возбуждают подозрение, что это сочинение затеяно ради отпора оппонентам, мой ответ таков: слишком много чести! Желание автора оспорить сомнительные мнения переросло в цель просто-напросто правдиво представить героя и его эпоху, отводя полемике вспомогательное место, то есть включая по ходу дела и мере необходимости. Неизмеримо больший интерес я нахожу в шансе сквозь череду биографических деталей и спортивных будней получше разглядеть самого Яшина, чтобы выудить истоки необыкновенности этого обыкновенного человека, по внешнему облику, привычкам и поведению похожего на соседа, встречного, сослуживца – любого из нас.

В странствии по десятилетиям и годам яшинской саги, не менее чем этапы большого пути, как пафосно выражались газетчики советских времен, показательны и ухабы этого самого пути, о чем старались тогда помалкивать. Мало того, что их сглаживание ретушировало правду, невозможно было извлечь корень в понимании человека. Между прочим, мои скромные изыскания натолкнули на вопрос, почему в русский язык, родивший идиому «корень зла», равноправно не врос «корень добра». Видно, зло в нашей жизни, питающей язык, издавна слишком кричащее. Но герой повествования предоставил автору счастливую возможность искать и находить корни добра, и я не отказал себе в удовольствии даже озаглавить так последнюю, итожащую главу, где завидно высокие профессионализм и человечность Льва Ивановича Яшина, так или иначе рассыпанные по предшествующим страницам, сгущены и объединены как его исконная и органичная суть.

Задача передо мной нелегкая, но притягательная – представить эту масштабную фигуру как можно объемнее, предложить читателю ясное понимание, чем же этот «русский мирового значения» брал, пленял, сражал, покорял самых разных людей, имя которым – легион.

Глава вторая Триумф без пощады

Бесценен, как шедевры «Прадо»

Весной 1989 года в Буэнос-Айресе, куда я был направлен в командировку на международную книжную ярмарку, опекавший меня работник советского торгпредства любезно поинтересовался, какие будут просьбы. У меня была только одна: организовать встречу с тренером сборной Аргентины Карлосом Билардо. На следующий вечер, едва мы устроились втроем в маленьком уютном кафе и не успел я еще открыть рот, чтобы задать первый вопрос наставнику чемпионов мира, он сам коршуном налетел со своим:

– Как дела у Яшина, как он себя чувствует? – спросил и впрямь похожий на коршуна человек по прозвищу Нос, знавший из прессы, как позже выяснилось, достаточно свежую конкретику о пошатнувшемся здоровье великого вратаря. Не дождавшись ответа, Билардо продолжал:

– В августе у меня сумасшедший график, но я обязательно вырвусь хоть на день в Москву на юбилей Яшина.

9 августа того же года он и явится прямо с корабля (правда, воздушного) на бал – его доставят из «Шереметьева» сразу на улицу Лавочкина в переполненный пятитысячный зал Дворца спорта «Динамо», где уже будут в разгаре торжества по случаю 60-летия Яшина. А тогда в Буэнос-Айресе из отведенного на наш разговор часа он ухлопал не меньше половины времени на расспросы о Яшине, то и дело прерывавшиеся возгласами восхищения.

– Яшина я впервые увидел уже будучи профессионалом во время матча Аргентина – СССР здесь, на стадионе «Ривер плейт», в ноябре 1961 года. И был покорен его игрой навсегда. Это было невиданно и по диапазону действий, и по их качеству, – говорил Билардо, а передо мной в далекой дымке времени поплыли кадры этого матча, снятого на пленку Борисом Набоковым, тренером Федерации футбола СССР и куратором комиссии пропаганды Федерации, куда я входил, – потому-то и получил приглашение посмотреть этот «киноматч».

Тогда не существовало ни видео, ни штатных операторов при командах, так что пришлось отправлять со сборной в знаменитое южноамериканское турне (три игры – три победы), по сути, кинолюбителя – впрочем, снимал он вполне пристойно. Отчетливо помню просмотр отснятого материала в Центральном Доме журналиста, проходивший под аплодисменты присутствовавших. Оставалось только пожалеть, что съемка оказалась недоступна для рядовых болельщиков, лишенных шанса лицезреть шедевр в исполнении сборной СССР. По мнению Андрея Старостина, это был лучший матч сборной из тех, что он видел, а видел он с 1924 по 1987 год десятки игр, включая, разумеется, все сыгранные в годы 1959–1964, 1969–1970, когда работал начальником сборной команды.

После матча в Буэнос-Айресе, завершившегося победой гостей со счетом 2:1, местные газеты давали непривычную для нашего глаза денежную оценку игроков: «Метревели – 50 млн. песо, Месхи – 50 млн. песо, Яшин – без цены». Впрочем, годом раньше в Париже после заключительных игр Кубка Европы, выигранного сборной СССР, хозяин мадридского «Реала» дон Сантьяго Бернабеу выразил готовность выписать за переход Яшина чек на любую запрошенную сумму. Дело было на банкете в ресторане Эйфелевой башни. Футбольный олигарх, объявив за Валентина Иванова и еще некоторых игроков кругленькие суммы, подsunул Яшину незаполненную чековую книжку и под дружный, с подначками смех его партнеров предложил ему вписать любую сумму.

– Что смешного? – удивился Бернабеу, то ли наивно, то ли, скорее всего, деланно не понимая, что советские футболисты по суровым порядкам того времени продаже вообще не подлежали. – Вы молоды и не ведаете, что значит Яшин для футбола. Он бесценен, как лучшие картины из коллекции «Прадо».

Обо всем этом мы толковали с Билардо. А его неподдельный интерес к Яшину натолкнул меня на дерзкий экспромт. Дело в том, что во время командировки пришлось участвовать в дискуссиях, встречах со множеством людей, отвечать на вопросы о том, что происходит в стране перестройки, и чуть ли не каждый считал своим долгом спросить о Борисе Ельцине – во всем мире на него пошла политическая мода, добрела она и до далекой Аргентины. Не хотелось бы грязнить повествование упоминанием этого несимпатичного персонажа, но только для того, чтобы было понятно, почему мне осточертело толковать о нем и пришлось перевести разговор, необходимо пояснение. Я был достаточно осведомлен о чудовищном лицемерии этого «борца с привилегиями», который тогда демонстративно, на глазах западных телевизионщиков и фоторепортеров, объявил о разрыве с кремлевским обслуживанием и записался в районную поликлинику, а вслед за этим, уже без свидетелей, тихой сапой, отправился отдыхать в сочинский кремлевский санаторий. Короче говоря, когда меня достали вопросами о будущем незадачливом президенте, на одном из «круглых столов» я неожиданно сам для себя, а тем более для остальных, произнес:

– Ваш Билардо, с которым я накануне встречался, не интересовался Ельциным, он спрашивал о Яшине, и мне о нем говорить гораздо приятнее.

Из нескольких десятков присутствовавших, судя по выражению лиц, не каждый представлял, о ком речь, но многие, особенно мужчины, оживились, и мы с ними отняли у политизированной аудитории две-три минуты для обмена фразами на тему, для нее постороннюю.

Во время пребывания в Буэнос-Айресе я имел не одну возможность убедиться в том, что болельщиков – «инчас» можно было встретить в любом доме, в любой компании, даже, как выяснилось, в такой специфической аудитории, внезапно мною огорошенной. И среди них находились многие, кто помнил Яшина – если не по давним (1961, 1965) визитам в Аргентину сборной СССР, так по мировым чемпионатам или трансляции из Бразилии выставочной встречи двукратных чемпионов мира со сборной ФИФА (1968), хотя от всех этих событий нас отделяла очень протяженная дистанция времени, особенно по меркам быстро текущего, переменчивого футбола. Затеявая это ретро-путешествие с читателями на 20 лет назад и за тридевять земель, я решил сам для себя, что оно может служить самым веским из множества подтверждений того, как яшинская слава преодолевает преграды времени и пространства.

Об официальном признании Яшина в спортивном мире и говорить не приходится. Оно нашло выражение в разнообразных наградах, таких, как Олимпийский орден, полученный в Москве из рук президента МОК Хуана Антонио Самаранча 27 июля 1985 года, или «Золотой орден за заслуги» Международной федерации футбольных ассоциаций (ФИФА), врученный ее президентом Жоао Авеланжем на конгрессе ФИФА 5 июля 1988 года в Цюрихе. Туда он был приглашен вместе с Пеле на открытие всемирной кампании в поддержку fair play – честной игры. После выступления Пеле на эту тему 600 участников конгресса – президентов национальных и континентальных федераций, выдающихся тренеров, арбитров, других почетных гостей – громовой овацией стоя приветствовали нового футбольного орденосца. Он увековечен и единственным именованным призом мировых чемпионатов, вручаемым ФИФА по предложению России с 1994 года лучшему вратарю финального турнира.

Лев Яшин попал в прямом и переносном смысле в самую десятку – десятку первых лауреатов футбольного Зала славы в Париже, открытого к чемпионату мира 1998 года. И в какой оказался компании: Эдсон Арантес ду Насименту – Пеле (Бразилия), Франц Беккенбауэр

(Германия), Альфредо Ди Стефано (Аргентина – Испания), Стэнли Мэтьюз, Бобби Чарльтон (оба – Англия), Йохан Круифф (Нидерланды), Мишель Platини (Франция), Эйсебио Феррейра да Силва (Португалия), Ференц Пушкаш (Венгрия – Испания)! Тогда же на гала-представлении в Париже ФИФА объявила о включении Яшина и в символическую сборную XX века.

Международная федерация истории и статистики футбола (ИФФХС), которая в 2000 году определяла лучших футболистов минувшего века, в результате специального опроса провозгласила Льва Яшина вратарем столетия. Собрал 1002 балла, он существенно опередил англичанина Гордона Бенкса (717), итальянца Дино Дзоффа (661), немца Зеппа Майера (456) и испанца Рикардо Замору (443). Вот имена других замечательных вратарей, не выдержавших конкуренции с Яшиным: Хосе Луис Чилаверт (Парагвай) – 373 очка, Петер Шмейхель (Дания) – 291, Питер Шилтон (Англия) – 196, Франтишек Планичка (Чехословакия) – 194, Амадео Каррисо (Аргентина) – 192, Жильмар Невес дос Сантос (Бразилия) – 160, Ладислао Мазуркевич (Уругвай) – 144. Видим мы в списке и Рината Дасаева с 89 баллами.

В Ротенбурге (Германия), где состоялось чествование победителей этого всемирного конкурса вратарей, на сцену для получения приза поднялась вместе с лауреатами XX века единственная женщина – вдова Яшина Валентина Тимофеевна, которая после кончины мужа не раз участвовала в подобных торжествах. Кадры кинохроники с отчаянными бросками Яшина наперерез форвардам и в углы ворот ведущий церемонии в Ротенбурге, как обычно, сопровождал навечно приросшими к нему эпитетами «фантастический», «неподражаемый», «великий». Жаль только, что вещественное доказательство славы «вратаря столетия» – миниатюрный мяч на подставке – доступен глазам считанного числа людей, входящих в дом Яшиных. А уж кому довелось подержать в руках этот суперприз, своим изяществом лишь подчеркивающий его вес, того неизбежно пробирает просветление чувств, оскорбленных многократными российскими поражениями, – я испытал это на себе.

На самую вершину признания возносили Яшина и бесконечные неофициальные рейтинги. В недалеком прошлом весьма котиrowался состав символической сборной мира за 20 лет (1950–1970), открывавшийся фамилией Яшина, который занял второе место вслед за Пеле по числу поданных голосов. В 1983 году редакция солиднейшего английского журнала «Уорлд соккер» включила его в символическую сборную мира всех времен. К выходу 2000-го номера не менее авторитетного еженедельника «Франс футбол» (1984) была опубликована классификация лучших игроков за все время его существования с 1946 года, ставшая своеобразным подарком к 55-летию Яшина, который был объявлен сильнейшим из вратарей.

Награды и титулы не прекращали осыпать его даже после смерти. В 1992 году Яшин был включен в символическую сборную Европы всех времен по версии «Мастеркард». К чемпионату мира 1994 года в США оргкомитет совместно с ФИФА разослал специалистам разных стран опросные листы для определения «команды всех времен», которую газеты величали еще круче – «дрим тим» («команда мечты»). Во всех заполненных анкетах упоминались лишь трое – Пеле, Яшин, Беккенбауэр, в то время как недосчитались голосов такие «монстры», как бразильцы Джалма Сантос и Гарринча, англичане Бобби Чарльтон и Бобби Мур, даже аргентинец Диего Марадона. А итальянское агентство АНСА накануне «Миллениума», перебирая особо отличившихся итальянских и зарубежных атлетов, провозгласило Яшина лучшим иностранным спортсменом XX века.

Честность обязывает заметить, что Яшин фигурирует не во всех мировых рейтингах. Он не удостоился, например, ни одного упоминания в широком опросе, проведенном 10 редакциями спортивных журналов разных стран с целью определить лучшего футболиста XX века. Еженедельник «Футбол» в статье «Мантия величия» (2009) призывает огорчиться по этому поводу. Но стоит ли? Вратари по европейской футбольной традиции котируются обычно ниже полевых виртуозов – не только в рейтингах, но и на трансферном рынке: стоят

всегда дешевле. Да и численно их меньше в десять раз. На две-три десятки корифеев атакующей игры в футбольной истории приходится всего несколько вратарей яшинского калибра, а кого включить в обойму избранников – дело вкуса. В подобных опросах принято предпочитать форвардов и атакующих хавов. Так что отсутствию Яшина в отдельно взятом конкретном рейтинге не удивляюсь. Меньше понимаю другое. В упомянутой статье на вопрос подзаголовка «Кто из отечественных игроков достоин статуса мировой звезды?» следует единственный верный ответ, что могли бы обрести международный звездный ранг Всеволод Бобров, Эдуард Стрельцов, Валерий Воронин и другие, а обрел один только Лев Яшин. Почему так получилось, вопрос другой, но зачем в качестве иллюстрации берутся результаты референдума, где и он, единственный, блистательно отсутствует? Ведь можно было воспользоваться массой других, чтобы не попасться на исключении из правил. Неужели, скажем, менее показательна уже приведенная нами первая десятка Зала мировой футбольной славы в Париже? А из последних рейтинговых новостей «сборная всех времен», представленная в конце 2007 года крупной итальянской газетой «Коррьере делло спорт». Лев Яшин занимает там свое законное место. Попал он и в «команду мечты», избранную в Интернете.

Уже XXI век на дворе, а Яшина знают и помнят сегодняшние обитатели трибун, хотя известно: чем дистанция времени удаленнее, тем больше симпатии склоняются к игрокам более знакомых поколений. Об этом напоминают выборы «дрим тим», объявленные на сайте ФИФА в 2002 году. В голосовании участвовали полтора миллиона (!) посетителей сайта. И большинство голосов получили игроки, прославившиеся в 80—90-х годах. Из старой генерации звезд, еще недавно превалировавшей в любых вариантах сборной всех времен, сохранили признание только четверо. И среди них – в компании с Беккенбауэром, Круиффом и, конечно же, Пеле – непревзойденный Лев Яшин.

Но не менее, а скорее даже более чем лавры официального или рейтингового признания заслуг Яшина, важны безмерное уважение коллег по международному футбольному сообществу – игроков, тренеров, арбитров и невероятная, я бы даже сказал, бешеная популярность среди любителей футбола разных стран, будь то английские «фэнс», итальянские «тифози», бразильские «торседорес» или, как мы видели, аргентинские «инчас».

Нисколько не преувеличивая, я осмелюсь говорить о каком-то особом влечении футбольного народа к Яшину. К нему были одинаково тепло расположены как сиятельные звезды – эти футбольные генералы, так и безвестные солдаты огромной футбольной армады. Как именитые писатели, актеры, государственные деятели, так и безымянные завсегда трибун. Иначе чем магнитным свойством притяжения и интереса к нему невозможно объяснить примечательные факты, которые я свел в своеобразную мозаику для этой публикации, выбрав из целого массива такой фактуры.

Яшин был человек благодарный, дорожил добрым отношением к себе, но больше всего его грела профессиональная оценка «братьев по классу» – вратарей. Не замеченный в коллекционировании газетных и журнальных вырезок о своей персоне, потому как не придавал ей повышенного значения, тем не менее Лев Иванович сохранил экземпляр миланской «Гадзетта делло спорт» с высказыванием чемпиона мира 1982 года Дино Дзоффа: «Для меня идеалом голкипера служит Лев Яшин. Именно благодаря ему, его примеру, его опыту я продержался в футболе до 40 с лишним лет».

Что могло быть приятнее единственного в своем роде съезда лучших голкиперов мира, которых «папа» Дино и пригласил в 1983 году на свои торжественные проводы из большого футбола. В курортный городок Сан-Ремо, всемирно известный ежегодным конкурсом итальянской песни, съехались Владимир Беара (Югославия), Хосе Ирибар (Испания), Лев Яшин (СССР), Гордон Бенкс (Англия), Пит Шрийверс (Нидерланды), Иво Виктор (Чехословакия), Ян Томашевский (Польша), а также соотечественники Дзоффа вратари «скаудры адзурры» разных поколений – чемпион мира 1938 года Альдо Оливьери, Лоренцо Буффон

(дядя лучшего вратаря наших дней, чемпиона мира 2006 года Пьерлуиджи Буффона), Джулиано Сарти. По предложению виновника торжества они сами и выбрали себе премьера – даже ценой некоторой невежливости к гостеприимному хозяину. Но при голосовании тот выразил лишь солидарность с остальными: общим избранником оказался Лев Яшин. Против него был подан всего один голос – его собственный.

Когда триумфатор вернулся в Москву, то рассказывал друзьям и журналистам о чем угодно из своих приятных и пестрых впечатлений – об ослепительной голубизне итальянского неба, непринужденности обстановки вратарского «саммита», прекрасном фильме, посвященном виновнику торжества, только не о результатах «плебисцита»: его скромность была неодолима никакой славой (первый редактор «Футбола» Мартын Мержанов, толкуя о замечательном вратаре, наградил его специально придуманным термином «славостойкость»). Однако о том, что в пользу Яшина со всей определенностью склонилась чаша весов самого значимого (потому как профессионального) референдума по определению вратаря № 1, протрубили все ведущие спортивные газеты мира. Коллегиальный пиетет перед Яшиным отборных лиц своего же, вратарского круга представляется мне знаковым. Но сами убедитесь, что не менее впечатляющи и другие, повсеместные случаи излучения признательности и восхищения.

В 1963 году на следующий день после феноменальной игры Яшина в Риме на «Стадио Олимпико» со сборной Италии (1:1) в матче Кубка Европы наша сборная отправилась на автобусную экскурсию по Вечному городу. На каком-то перекрестке автобус, как и другой транспорт, вынужден был беспомощно остановиться, блокированный шествием десятков тысяч демонстрантов. Вдруг один из них узнал через автобусное окно Яшина, махнул рукой товарищам, автобус был тут же окружен плотным кольцом восторженных людей. Яшину пришлось выйти и приветствовать их, после чего цепь демонстрантов магически разомкнулась, позволив пересечь заполненную толпами людей магистраль.

Аналогичные примеры преклонения перед великим советским спортсменом привозили из разных стран многие очевидцы. В Испании к окну автобуса, за которым виднелся Яшин, женщины поднимали своих детей только чтобы те взглянули на него. В Дании при пограничном досмотре таможенник, едва заглянув в паспорт, вскочил и взял под козырек со словами «Добро пожаловать в Копенгаген!». Во время турне советских футболистов по Франции в вагоне-ресторане поезда Париж – Марсель пассажиры спокойно обедали, пока официанты в одном из них не опознали Яшина и, начисто забыв французскую вежливость, бросили остальных клиентов, сгрудились вокруг футбольной знаменитости и переключили на нее все свое внимание.

В Белграде в день выставочного матча Югославия – Европа (1964) по радио шла утренняя детская передача, где звучала веселая песенка про царя зверей по имени Лев. На следующее утро, когда в югославской столице только и разговоров было, что про блестящее выступление гостей (7:2) и особенно Яшина с Эйсебио, песенка была повторена, только у царя появилась фамилия – Льва звали Яшин!

Южноамериканское турне «Динамо» 1964 года предусматривало единственный матч в Боливии – против местного чемпиона команды «Боливар». Повреждение ноги вынудило Яшина просить о снисхождении – на игру его не ставить: «Я даже упасть не могу». Но организаторы умоляли: «Вам не надо падать, только выйдите на поле, и все будут счастливы». Начало игры было задержано на 40 минут – Яшину пришлось продирается в раздевалку сквозь толпу, к нему хотели прикоснуться мэры, полицейские, дети, инвалиды в колясках и не хотели отпускать, пока не пожмут руку. А в игре вратарь с лангеткой на ноге творил такие чудеса, что советские участники матча (4:1 в пользу гостей) находили только одно сравнение – с бенефисом на Олимпийском стадионе в Риме годом раньше.

Во времена Франко, когда самолеты «Аэрофлота» в Испанию не летали, футболистам «Динамо» пришлось отправляться туда на международный турнир через Париж, где их должны были ждать визы. Оказалось, что из-за какого-то недоразумения вовсе не ждали, а представителей турфирмы, которая все это обязалась организовать, в парижском аэропорту «Бурже» не оказалось. Но оказался человек, который в одном из транзитных пассажиров узнал Льва Яшина – подошел справиться, не обознался ли он. Услышав о случившемся, взялся помочь. Он оказался хозяином другой турфирмы, быстро организовал автобус, поселил всю команду за свой счет в отеле, связался с коллегами, которые так подвели, обеспечил испанские визы. Яшин спросил доброго человека, как его отблагодарить. Тот попросил автограф для себя, а также для служащих и клиентов отеля, где разместил делегацию. На следующее утро за автографом к живой легенде выстроилась очередь. Вот что значило имя Яшина!

В Финляндии через 15 лет после завершения яшинской карьеры его узнали в столичном кафе туристы из Германии и забегали вокруг столика с фотокамерами, а на рыбном рынке в центре Хельсинки продавец, могучий финский рыбак, взвешивая товар, пристально всматривался в покупателя и спросил: «Черный паук?» Тот же вопрос, тыча пальцем в почтовую марку с изображением Яшина, известного во всем мире под этим прозвищем, задал еще дюжину лет спустя, в 1998-м, чернокожий парнишка российским делегатам на Всемирной филателистической ярмарке в столице бразильского футбола Рио-де-Жанейро, где советского вратаря видели на «Маракане» торседорес-дедушки, чтобы рассказать, как убеждаемся, торседорес-внукам.

Трогательный эпизод поведал Алексей Парамонов: «В 1965–1966 годах я работал тренером тунисской команды «Этуаль». Однажды проходил по узкой улочке арабского квартала, где мальчишки играли в футбол. Они знали, что я тренирую их любимую команду, и, увидев меня, закричали хором: «Яшин! Яшин!» В те годы телевидение в Тунисе было доступно только очень богатым людям и ребяташки не могли видеть игру Льва Ивановича, однако он был настолько велик в их глазах, что любой советский человек непременно ассоциировался у них с Яшиным».

Все эти и многие неупомянутые случаи подобного рода говорят о том, что Лев Яшин не принадлежал к сонму мимолетных кумиров, которых толпы людей готовы какое-то время носить на руках, чтобы потом забыть. В самых разных странах он растормошил более глубокие, более прочные человеческие чувства, когда симпатии замешены на уважении, переходящем в почтение. И если неисчислимое множество людей, обыкновенных болельщиков, в такой приверженности обмануть трудно, то относительно немногих профессионалов, познающих цену партнера или соперника на близком расстоянии и по строгому счету, – вообще невозможно.

И все же в свое время совершенно неожиданно прозвучала, да не один раз, а в ряде интервью, твердая убежденность легендарного бразильского футболиста – Манозля Франсиско дос Сантоса, известного по прозвищу Гарринча, что Яшина мало назвать лучшим вратарем – он вообще величайший футболист, которого и сравнить не с кем в искусстве игры. Специфика вратарского дела обычно ставит стражей ворот особняком, стеной отделяя от полевых игроков в оценках специалистов. Но для Гарринчи не существовало общепринятых стандартов ни на поле, ни в поведении, ни в высказываниях. Простодушный и прямодушный, он был чист в искренности своего потрясения яшинской личностью. И оказался в этом не одинок.

«Больше всего я дорожу голом в ворота Льва Яшина», – признавался французский нападающий Жюст Фонтэн, чей рекорд на чемпионате мира 1958 года (13 мячей), видно, никогда не будет побит. Единственный мяч Яшину Фонтэн забил на следующий год в товарищеском матче «Реймса» со сборной клубов СССР (1:4). «Нападающий, забивший хоть раз

Яшину, может написать это на своей визитной карточке, – говорил рекордсмен, – и писать больше ничего не надо! Лично я этим голом горжусь не меньше, чем всеми тринадцатью, забитыми в мировом первенстве!»

В 1964 году в Мадриде на финале Кубка Европы в нашу раздевалку, не убоившись подозрений и упреков правивших тогда франкистов, явился собственной персоной прославленный Рикардо Замора. Он отвесил низкий поклон Яшину со словами: «Вы лучше всех нас».

Другой знаменитый вратарь – чемпион мира 1958 и 1962 годов Жильмар Невес дос Сантос, или просто Жильмар, накануне следующего мирового первенства просматривал вместе с товарищами по сборной Бразилии киноплёнки, запечатлевшие игру возможных соперников. Когда показывали кадры с фрагментами действий советской команды, в них то и дело мелькал Яшин со своими рейдами за границы штрафной площади и бросками в ноги противнику. Жильмар кричал: «Повторите! Крутите плёнку назад!»

По окончании четвертьфинала чемпионата мира 1966 года СССР – Венгрия (2:1), состоявшегося в Сандерленде, необычно и даже странно повел себя искушенный испанский судья Гарай Хуан Гардесабал. Дав финальный свисток, он властным жестом неожиданно пригласил на поле репортеров и сфотографировался с командами. А затем подозвал к себе Яшина, блиставшего в тот день, и сфотографировался с ним отдельно.

На заключительном приеме по завершении того же мирового форума в лондонском «Ройял гарден отел» славили в основном чемпиона мира – сборную Англии, на остальных мало обращали внимания. Вдруг слово попросил председатель оргкомитета следующего чемпионата (1970) мексиканец Гильермо Канедо и от имени оргкомитета объявил Яшина лучшим вратарем прошедшего турнира. Через некоторое время почтивший прием своим присутствием премьер-министр Великобритании Гарольд Вильсон попросил подвести его к Яшину и познакомиться. После теплого рукопожатия глава британского правительства рассказал, что смотрел несколько матчей первенства... в Москве по телевидению – он выезжал туда на открытие национальной выставки. В ходе беседы Вильсон сделал неожиданное признание: «Не думайте, что я знаю вас только по «матчу века» на «Уэмбли» в 1963 году. Уже почти двадцать лет я слежу за «Динамо» и «Спартак». Примите благодарность за прекрасную игру на нашей земле». Да, было время, когда и за нашим чемпионатом следили, как мы сейчас – за английским или испанским.

В 1970 году 40-летний Яшин отправился в свое четвертое путешествие на чемпионат мира, но на сей раз оставался в запасе, на поле не выходил, призванный опекать своих молодых партнеров по команде в качестве «дядьки». 30-летний Пеле также явился на свой четвертый мировой форум, но играл, и еще как. Эта разница не помешала Яшину, по данным специального опроса, пользоваться таким же вниманием публики – они с Пеле намного опередили в популярности всех остальных гостей Мехико.

Так получилось, что Яшин вместе с другим вратарем – Леонидом Шмуцем прилетел туда позже советской делегации. Когда вышел из самолета, увидел толпу людей. Решил, что ждут какую-то важную особу. Так и было, только этой особой оказался он сам. Все журналисты, уже успевшие прибыть на чемпионат, явились в аэропорт, а с ними тысячи болельщиков, узнавших из газет о прибытии Яшина. Мой приятель, «югославский Озеров» – известный телекомментатор Драган Никитович по прозвищу Никита, позже рассказывал, что не смог пробиться в зал, где была устроена пресс-конференция Яшина.

Перед матчем открытия Мексика – СССР стадион «Ацтека» взорвался гулом приветствия в адрес своих футболистов, когда они выбежали на разминку. Но только шум стих, главная трибуна целиком как по команде отвернулась от поля, экспансивные мексиканцы вскочили на ноги, размахивая своими сомбреро и подушками для сиденья. Вся VIP-ложа во главе с президентом Мексики Диасом Ордасом завертела головами: что происходит? А это публика бурно приветствовала появившегося на трибуне резервного советского вратаря

Яшина. Один автограф русского ветерана, по прикидкам местных газет, стоил в Мехико трех итальянских или английских.

Не знаю, был ли кто-нибудь, кроме Яшина, удостоен чести проведения прощального матча с приглашением мировых звезд не только в своей, но и в чужой стране. В 1971 году после съезда высоких гостей в Москву на матч 27 мая между сборными ФИФА и советского «Динамо» стараниями итальянских поклонников и друзей Яшина во главе с Джачинто Факкетти не менее представительная компания знаменитостей собралась на матч сборных команд ветеранов мира и Италии.

31 августа в Милане, на стадионе «Сан-Сиро», многочисленные «тифози» закатили форменный рев негодования, когда во втором тайме была объявлена заранее предусмотренная замена Яшина другим игроком. Но Карло Маттрел из «Ювентуса» так и не смог занять ворота. Не допустив такого «безобразия», зрители после игры хлынули на поле и унесли героя дня на руках. Лев Иванович потом с улыбкой, но и содроганием вспоминал, как, плывя по воздуху, почувствовал, что... его раздевают – сначала сняли одну бутсу, тут же вторую, стянули свитер, добрались и до трусов, милостиво оставив на нем только плавки, и в таком виде доставили прямо в раздевалку.

На эти прощальные матчи, а также на чествование Яшина 9—10 августа 1989 года по случаю его 60-летия пожелал явиться весь цвет мирового футбола. Не всем и не всегда это удавалось, но каждый раз в Москве и Милане высаживался мощный звездный десант. В эти три приема у Яшина побывали Бобби Чарльтон, Эйсебио, Франц Беккенбауэр, Герд Мюллер, Карл-Хайнц Румменигге, Джачинто Факкетти, Ладислао Мазуркевич, Гарринча, Тостао, Карлос Альберто, Эрнст Оцвирк, Франсиско Хенто, Драган Джаич, Влодзимеж Любаньский, Христо Бонев – всех не перечислить. Отложив самые срочные дела, они стремились на свидание к этому, по словам Франца Беккенбауэра, «излучавшему тепло человеку».

«Про Яшина я впервые услышал в 1955 году, когда мне едва исполнилось десять, – вспоминает Беккенбауэр. – Сборная ФРГ играла тогда в Москве против команды СССР, и с уст телекомментатора не сходило имя русского вратаря, раз за разом встававшего на пути наших форвардов. Мы тогда уступили (2:3. – А.С.), и поражение это, по мнению очевидцев, было целиком на совести советского голкипера».

На проводы Яшина Кайзер (прозвище Беккенбауэра. – А.С.) приехать не смог, оказавшись из-за почечных колик в больничной палате, и сильно по этому поводу расстроился, но гостил у Яшина один, без специального повода и звездной компании в 1986 году, а три года спустя участвовал в юбилейных торжествах по случаю 60-летия русского друга.

Кайзер, по собственному признанию, любит бывать в нашей стране и не раз напоминал, что открытие России началось для него именно с Яшина. «Россия ассоциируется у меня с Яшиным», – подчеркивает лучший немецкий футболист всех времен. Не так давно 20-летняя история дружественных отношений Беккенбауэра с Яшиным получила совершенно неожиданное продолжение. Когда из-за ошибки арбитра была назначена переигровка матча Лиги чемпионов 2002 года между австрийским «Тиролем» и российским «Локомотивом», наша пресса в стиле нелепых нападок сталинского прокурора Вышинского на «врагов народа», объявленных японскими шпионами, напустилась на Беккенбауэра, якобы лоббировавшего в УЕФА интересы австрийцев (то ли потому, что у него в тирольских горах вилла, то ли в знак расположения к управляющему местным клубом).

Седовласый Франц еле сдерживал возмущение: «Не хочу комментировать решение контрольно-дисциплинарного комитета УЕФА, поскольку это не в моей компетенции. Оно на совести членов комитета. Но клянусь, что я ему никак не способствовал. Не имею никакого морального права оказывать давление на членов комитета УЕФА. И как вообще я могу это сделать, являясь лишь президентом «Баварии» и вице-президентом Германского футбольного союза? Крайне сожалею, что появилась такая компрометирующая информация,

поскольку у меня много друзей в Москве, а Россия и Америка – две страны, в которых я только по-настоящему и отдыхаю. Было бы кошунством омрачать мою многолетнюю дружбу с великим Львом Яшиным» (выделено мной. – А.С.).

Ни в 1971-м, ни в 1989 году Пеле, связанный контрактными обязательствами, тоже не мог вырваться в Москву. Но в 1988 году подвернулся удобный случай побывать здесь по другим, нефутбольным делам. Принимая приглашение, Пеле первым делом спросил: «А Яшин в Москве? Хочу его видеть». Сквозь толпу встречавших и репортеров в шереметьевском VIP-зале «король футбола» сразу углядел Яшина, скромно стоявшего в сторонке, опираясь на палочку. Изящно, словно финтом на поле, обойдя эту плотную массу, Пеле ринулся к нему, рочоча на весь зал своим характерным басом: «Салуд, амиго (исп. друг. – А.С.)! Салуд, папа Яшин!», и заключил в крепкие объятия. Следующим же днем «бойцы вспоминали минувшие дни и битвы, где вместе рубились они».

Память о Яшине остается для Пеле святой и по сей день. Стоило ему уже после кончины «амиго» появиться в Москве (1997, 2003), он непременно возвращался к светлому образу русского вратаря буквально в каждом выступлении или интервью и обязательно желал видеть Валентину Тимофеевну. Известный журналист, бывший корреспондент советского телевидения и радио в Бразилии Игорь Фесуненко, обычно сопровождающий Пеле в качестве переводчика, во время январского визита 1997 года даже удостоился многозначительной укоризны во взгляде «короля», когда вопросительно посмотрел на него в ответ на просьбу «повидаться с Валентиной»: Пеле был уверен, что уточнение «вдовой Яшина» не требуется.

На торжественном приеме, устроенном в честь Пеле послом Бразилии, Валентина Тимофеевна, выступая в ответ на добрые слова о муже, едва не расплакалась, а Пеле в своем спиче всячески ее успокаивал: «Даже хорошо, что вы плачете, но только не продолжайте, а то я тоже разревусь». Это отнюдь не была фигура речи – Пеле горазд чуть что пустить слезу. Ничего странного: мужественные люди зачастую чувствительны, сентиментальны, и Лев Иванович, кстати, тоже не был исключением. Вдова Яшина как-то сказала, что Пеле обращается к ней как к близкой родственнице. А сам Яшин долгие годы, словно родственник, был близок несчетному числу футбольных подданных.

Случай убедиться в этом представился в 1988 году, во время чемпионата Европы, известному немецкому журналисту, главному редактору крупного еженедельника «Киккер» Карлу Хайнцу Хайманну. Он искал тогда для русского гостя хороший протез, чтобы максимально облегчить его участь после ампутации ноги. Узнал, что самые лучшие протезы – легкие, сделанные из титана, производит одна из мюнхенских фирм. «Когда туда приехал и сказал, что протез нужен Яшину, – рассказывал Хайманн, – в дело немедленно включились лучшие специалисты, решившие все вопросы в кратчайшее время. И неудивительно: о великом русском вратаре в Германии знают все».

Представился немецкому журналисту и другой случай убедиться в необычайной популярности человека, с которым был дружен 25 лет. Ровно за год до кончины Яшина, когда на него еще не успела навалиться неизлечимая болезнь, он был приглашен известной фирмой «Мюллер – Мильх» в Аугсбург на благотворительный матч между сборными ветеранов мирового и советского футбола, сбор от которого предназначался пострадавшим от уничтожительного землетрясения 1988 года в Армении.

Когда диктор объявил, что на трибуне в качестве почетного гостя присутствует Лев Яшин, 20 тысяч зрителей встали и приветствовали его так бурно, как, пожалуй, никого из участников игры, а среди них были Хельмут Халлер, Франц Беккенбауэр, Вольфганг Оверрат, Паоло Росси, Марио Кемпес, Олег Блохин и другие звезды. Это дало повод Хайманну написать, что «имя Яшина во всем мире произносится с особой любовью. Никогда еще за всю историю футбола ни один вратарь не пользовался такой гигантской популярностью».

Выходит, о нем помнили в Германии через 17–18 лет после ухода с футбольного поля, помнят, как свидетельствует Хайманн, и сейчас, когда еще больше времени прошло после ухода из жизни.

В марте 1990 года, вернувшись из командировки в Испанию, мой знакомый рассказывал, что как-то, прохаживаясь по улицам Барселоны, вдруг наткнулся на довольно большую группу людей, перегородивших тротуар. Они столпились у витрины магазина, в которой был выставлен большой экран. На экране мелькали футбольные кадры с Яшиным. В этот день пришло сообщение о его кончине, и национальное телевидение отдавало дань человеку, незадолго до этого удостоенному почетнейшего приза испанских журналистов «Спортивная легенда» в одной обойме со Альфредо Ди Стефано и Надей Команечи. Тогда, 26 декабря 1987 года, на гала-представлении в честь советского гостя президент Ассоциации спортивных журналистов Испании Хоакин Диас Паласиос от имени 1500 ее членов сказал, что «Яшин пример благородного рыцаря спорта», а в стране Сервантеса рыцарь – не пустой звук.

Через несколько лет я прочитал в книге Никиты Симоняна «Футбол – только ли игра?» (1998), что точно такое же изъятие скорби в связи с кончиной советского вратаря он сам наблюдал в Цюрихе: в соответствующем отделе супермаркета огромное количество выставленных на продажу телевизоров в день смерти Яшина – 20 марта 1990 года – одновременно демонстрировали видеофрагменты, запечатлевшие незабываемый образ мастера. Все мировые агентства в этот день передали сообщение об уходе из жизни «самого великого советского спортсмена всех времен».

Честно говоря, мало кто из советских, русских удостаивался такой широкой известности и глубоких симпатий за границей. В сфере массовых зрелищ хвастать почти нечем: звезды кино, шоу-бизнеса, всегда и везде возглавляющие рейтинги популярности, у нас пригодны, как это ни печально, в основном для внутреннего потребления. Другое дело спорт. Правда, многие виды спорта, где мы годами верховодили, к массовым зрелищам не отнесешь – те же борьбу, штангу, фехтование, греблю. А хоккей, фигурное катание? Да, и наши замечательные чемпионы достаточно известны, но в ограниченном круге стран. В футболе же с его всемирной аудиторией успехи Советского Союза, а тем более постсоветской России, гораздо скромнее.

Но футбол есть футбол, и на фоне этих менее заметных, хотя и существенных успехов, достигнутых, главным образом, в яшинскую эпоху, личный рейтинг и вселенская популярность Льва Яшина поразительно долговечны и несравнимы в нашем спорте (да и не в одном только спорте) ни с чьими более, будь то Валерий Брумель или Ирина Роднина. Если все советские корифеи той поры прославились в любительском или полупрофессиональном спорте, то Яшина выделяет среди них преуспевание в тяжелых схватках с прожженными, высокооплачиваемыми, самоуверенными профессионалами, поскольку футбол с давних времен отвергает соревновательное разделение на «чистых» и «нечистых».

Нас зачастую обижает предвзятое отношение к России на Западе. Возможно, оно заходит слишком далеко, но ведь мы сами щедро предоставляем основания для недоверия – я сам не раз был свидетелем чрезмерной закрепощенности, сумрачности, закрытости соотечественников в советские времена и, наоборот, распушенности, демонстративного бескультурья, даже разнузданности – в последующие. Ну а мафиозностью некоторых из них мы и сами напуганы не меньше добропорядочных иностранцев.

Однако всегда находились посланцы страны, умевшие наводить мосты лучше всяких дипломатов. Лев Яшин достойно представлял свою державу и успешно вербовал ей сторонников. При очевидном непонимании, а то и неприятии на Западе людей с советского пространства он, наподобие Юрия Гагарина, и делами своими, и самим своим обликом, обаянием, открытостью, своей располагающей, поистине фирменной улыбкой начисто перечеркивал этот стереотип отчуждения. И можно понять, почему совершенно безразличный к

пафосу, за много лет уставший от бесконечных здравиц, Яшин оживился, даже вскинулся, когда президент ФИФА сэр Стэнли Роуз, заканчивая как-то речь в его честь, произнес: «Прославляя Яшина, мы прославляем Россию». Но каждому ли в самой России дано это понять, как британскому аристократу?

Страна знает своих героев

У нас в стране несдержанность чувств и совсем уж экзотические проявления благо-расположения к Яшину, вроде тех, что мы вспомнили (и тех, что еще всплывут по ходу этих заметок), случались достаточно редко. Разве что пару-тройку раз, включая прощальный матч 27 мая 1971 года между сборной ФИФА и сборной «Динамо» (2:2) в 100-тысячных Лужниках, когда спекулянты, в просторечии барыги, впервые с 40—50-х годов «толкали» билеты по десятикратной цене, а у приемной директора стадиона и «литерных» касс для привилегированной публики часами толпились генералы, депутаты, академики, народные артисты.

Почему же Яшин реже, чем за границей, вызывал тайфун эмоций? Большое видится на расстоянии? Нет пророка в своем отечестве? Да, были некоторые основания утверждать, что Яшина распознали и оценили за рубежом раньше и почитали больше, чем у нас. Но, скорее всего, всплески благоговения перед ним были здесь не столь сильны как раз потому, что никто истинную цену Яшину не знал так, как мы, и восприятие футбольных подвигов этого человека, соответствующее столь высокой пробе, стало попросту делом привычки.

Можно ли было не ценить лидерское – по высшим игровым и моральным критериям – участие Яшина в поворотных событиях истории отечественного футбола, когда в 1954 году была воссоздана сборная страны, когда после длительного перерыва с 1936–1937 и 1945 годов пришлось заново и более основательно, уже с ее участием, прорубать окно в футбольную Европу и открывать Южную Америку, когда были обеспечены победы в престижных мировых и континентальных турнирах? Именно Яшин был героем первых матчей, снискавших сборной СССР широкую международную известность, прежде всего знаменательных побед над чемпионом мира сборной ФРГ в 1955–1956 годах и лидером мировой классификации 50-х сборной Венгрии, первых выступлений в Южной Америке («Динамо» в 1957-м и сборная страны в 1961 годах).

С Яшиным больше, чем с любым другим из его коллег по сборной, связана серия первых, а в некоторых случаях и единственных турнирных успехов, таких, как олимпийское «золото» 1956 года, выигрыш Кубка Европы 1960-го и второе место 1964 годов, бронзовые медали за четвертое место в чемпионате мира 1966 года. Никто из советских футболистов в 60-х годах с такой регулярной обязательностью не приглашался в сборные мира и Европы, а тогда это было показательно и престижно – не то что теперь, когда выставочные матчи стали дежурными, а значительными событиями перестали считаться, поскольку ФИФА и УЕФА частят с их проведением и приглашают выступать в них кого ни попадя, исходя не столько из класса игроков, сколько из политкорректной представительности стран и континентов. И вот венец яшинских творений – престижнейший приз еженедельника «Франс футбол» под названием «Золотой мяч» как лучшему футболисту Европы 1963 года.

Это была первая индивидуальная награда советскому мастеру, до сего дня единственному среди вратарей и единственному среди россиян. Менее известно, точнее широкой публике вовсе неизвестно, что Яшин по опросам «Франс футбол» удостоился семи суммарных, итоговых упоминаний среди лучших европейских игроков разных лет, причем шесть раз попадал в первую годовую десятку, а четырежды – в первую пятерку. К такому международному признанию даже близко не подобрался более чем за полвека существования конкурса ни один из вратарей, игравших и играющих в Старом свете (а он с давних пор собирает сливки и с других континентов), равно как ни один из отечественных футболистов любых амплуа.

Выражение «вратарь – половина команды» не затертый штамп, а сугубо практическая футбольная аксиома, фиксирующая наибольшую ответственность голкипера среди всех игроков. И один из лучших предшественников Яшина Анатолий Акимов вовсе не обозна-

чал «ведомственный» подход, когда настаивал, что «самым сильным футболистом в команде должен быть страж ворот: ошибку полевого игрока еще можно исправить, а при ошибке вратаря гол неминуем. Спокойные, уверенные действия вратаря позволяют всей команде вести матч по избранному плану, без излишней нервозности». Яшин без подсказок со стороны, сам уже в начале профессионального пути дошел до понимания повышенной вратарской ответственности и вратарского авторитета для командного успеха. Говорил, что «вратарь должен быть первым по трудолюбию, тогда станет авторитетом для других».

Именно плодотворность особой миссии голкипера была определяющей в высоких результатах московского «Динамо» и сборной СССР 50-х – отчасти 60-х годов. Причины последующего снижения результатов, конечно же, многообразны, но нельзя считать случайным, что начало этого отката совпало с разреженностью выступлений Яшина, лимитированных в конце 60-х возрастом, болезнями, травмами, наконец, понятным желанием тренеров апробировать новых вратарей, чтобы уход Яшина не застал обе команды врасплох.

В других странах, разумеется, тоже водились сильные вратари, но все-таки они, как правило, котировались ниже полевых виртуозов. У нас же издавна сложился культ вратарей, возникла целая вратарская школа (ныне утраченная, как и множество других преимуществ в самом футболе, спорте вообще и других сферах). В силу такого отношения к вратарям и персонально благодаря Яшину Советский Союз, Россия приобрели еще один штрих столь греющей нас исключительности: только в нашей стране (да еще в Дании с Петером Шмейхелем) зарегистрировано верховенство вратаря в рейтинге лучших футболистов страны за длительные исторические периоды, вплоть до целого столетия.

В любых опросах, кто бы ни был в них задействован – профессиональные эксперты или любители спорта, Лев Яшин неизменно и безоговорочно включался в символические сборные СССР за 50 лет (1967) и России за 100 лет (1997), с большим перевесом избирался футболистом № 1 СССР (1987 – к 70-летию советского футбола) и России (1998 – к 100-летию отечественного футбола, 2003 – к 50-летию УЕФА), был провозглашен советским спортсменом № 1 (1967 – к 50-летию Советского государства) и российским спортсменом № 1 за весь XX век (1996 – по опросу 484 деятелей спорта, науки и культуры; 1999 – по конкурсу-опросу читателей газеты «Спорт-экспресс» совместно с Олимпийским комитетом России; 1999 – по определению Федерации спортивных журналистов России) – впереди Всеволода Боброва, Владимира Куца, Ларисы Латыниной, Александра Карелина и других крупных величин. И даже был предложен среди грандиозных фигур российской истории для изображения на новых купюрах (пока не посчитали за лучшее украсить деноминированные рубли не портретами, а памятниками архитектуры).

Можно ли пройти мимо того, что Лев Яшин оказался единственным спортсменом, кто был номинирован в грандиозном общественном и телевизионном проекте «Имя России» наряду с выдающимися государственными деятелями, писателями, учеными? И какой колоссальный след нужно было оставить в биографии страны, чтобы по итогам голосования в Интернете занять 38-е место среди 50 самых заслуженных людей в многовековой истории Отечества, которые вправе олицетворять его?

На фоне такого абсолютного, безраздельного признания поначалу ошарашивает вопрос известного спортивного публициста Александра Нилина, прозвучавший первый (но не последний) раз в книге «XX век. Футбол» (1998): «А может быть, и спорно утверждение, что Стрельцов всех затмил-заслонил?..» Видно, футбольному летописцу померещилось, что «это уж нам теперь издали виден отчетливо он один. Тем более в подобном выделении нельзя не заметить и несомненной полемики с официальным признанием футболистом № 1, футболистом-символом Льва Яшина». Как говорится, хоть стой, хоть падай. Ведь все приведенные двумя абзацами выше выкладки как раз зеркало его, Яшина, неофициального признания,

устойчивого общественного мнения, продолжающего ставить своему избраннику наивысшие баллы и через четыре десятка лет после окончания яшинской эры.

И хотя мне совсем несимпатично столкновение Эдуарда Стрельцова и Льва Яшина, сошлюсь хотя бы на последнее по времени голосование любителей футбола. Когда УЕФА к своему 50-летию, случившемуся в 2004 году, предложил каждой национальной федерации объявить своего лучшего игрока за эти полвека, Российский футбольный союз (РФС) заблаговременно обратился в редакцию еженедельника «Футбол» с просьбой провести опрос болельщиков. И разве не красноречив сравнительный результат победителей этого «референдума»: Яшин – 3728 баллов, Стрельцов – 1387? Стоит ли, однако, искать подобные аргументы и факты, а их пруд пруди, если сам инициатор столкновения пары Яшин – Стрельцов всем строем своих разнокнижных суждений с головой выдает, что нарочитое выпячивание Стрельцова («теперь издали виден отчетливо он один»...) имело под собой вовсе не спортивную, а фальшиво идейную и привычно-психологическую подоплеку? Но если притянутую за уши политизированность такого превозношения неуклюже маскирует, то примешивание изломов судьбы скрывать и не думает. В итоговой передаче телецикла «Век футбола» (1998), где на глазах миллионов телезрителей избирался российский «футболист столетия» (а им, как и следовало ожидать, без вопросов оказался Яшин), нашел закономерность попадания Стрельцова на второе место в «схватке» с не менее, если не более значительным Бобровым в том, что «мы больше любим людей с жизненной драмой».

Именно 90-е годы затопили читающую публику потоком публикаций, целых книжных исследований о судьбе Стрельцова – несправедливости судебного приговора за юридически недоказанное изнасилование, его незавидной лагерной доле, затычном недопущении бывшего «зэка» в сборную СССР. Однако, рассуждает Нилин в том же сочинении, где сам запросто отдает яшинское первенство Стрельцову, «сегодня ощутим известный перекося. Недоданное Эдуарду при жизни превращается в укор – и совершенно несправедливый укор Яшину». О перекося – золотые слова, но чем же и от кого заслужил вратарь подобный рикошет? Судя по нилинским текстам и контекстам, расположенностью аппаратной верхушки, приближенностью к власти имущим. Приближенностью, как нам предстоит убедиться, мнимой, вымышленной, да и какое она имеет отношение к оценке успеха в профессии, спортивных достоинств? А бедняга-сочинитель совсем запутался: укор Яшину, в котором сам же усомнился, настойчиво повторяется автором в своих последующих работах («Стрельцов» в серии «ЖЗЛ», 2002; «XX век. Спорт», 2005).

Вот и выходит, что эта назойливая долбежка сделала Нилина главным выразителем позиции «полемистов-вольнодумцев», как он же и отрекомендовал «затмивших-заслонивших» Яшина Стрельцовым. Никто из них с такой вызывающей дерзостью не вынес на публику это самое затмение – не мозгов ли? В круге общения моей молодости, к футболу неравнодушном, тоже хватало вольнодумцев, клеймивших или высмеивавших проделки власти, но ни одному оригиналу, будь то журналист, художник или служитель науки, не взбрела в голову затея городить идеологический противовес Яшина Стрельцову, да еще с попыткой этим нелепым способом загородить первого вторым. Если бы приводились чисто спортивные соображения задвинуть Яшина за спину Стрельцова, это еще куда ни шло – можно спорить, обмениваться доводами, что же каждый из них дал футболу и стране. Но использовать одного, чтобы ущемить другого, уценивать народную славу Яшина до разряда сугубо официальной – занятие неблагородное и неблагодарное.

Вряд ли в здравом уме и твердой памяти кто-то возьмется отрицать, что слава Яшина, прижизненная и посмертная, – настоящая, неподдельная, непреходящая, пропагандистами и пиарщиками не навязанная, жалостью или скандалами не приправленная, ни у кого не заимствованная и не отбитая, наградами и рейтингами не сформированная, а ими только закреплённая. Ордена и звания, что правительственные, что спортивные, лидерство в многообраз-

ных рейтингах, как официальных, так и неофициальных, – это уже спутники и следствие славы. И мне близка мысль многолетнего дуайена нашего футбольно-журналистского корпуса Льва Филатова, что «не формальные признаки (набор титулов, число медалей) определяют наше отношение к спортивной звезде»...

Стоп, прежде чем продолжить филатовские размышления, позволю себе небольшой корректив: самой своей редкостью и эксклюзивностью, а теперь, возможно, до поры до времени, и недостижимостью для нас, такие престижные награды, как Кубок Европы и «Золотой мяч», народную славу все же подпитывают и разогревают. Но, согласен, «уж если судьбе угодно, чтобы звезда светила и после своего исчезновения со стадионного небосклона, то обязательно должны быть сильно затронуты чувства людей, только рассудочными доводами и россыпями информации ничего не добьешься». Так что не столько статистика и рейтинги, реестр спортивных достижений, сколько личность Льва Яшина, или, как модно теперь говорить, его харизма мотивируют людское тяготение к нему на протяжении многих десятилетий.

Истинную цену Яшина потому и не могли нигде установить вернее, нежели в собственной стране, что мы имели счастливую возможность наблюдать его не только по большим праздникам типа мирового или европейского первенства, но прежде всего в череде будней – в календарных матчах первенства и Кубка страны, тренировках, а кому, как мне, повезло, и в личном общении. И то, что вызывало бурю восторгов «там», долгие годы было нормой для Яшина «здесь», потому и воспринималось как должное, а значит, вполне естественно. Ведь привычное восприятие, как правило, не сопровождается взрывной реакцией.

Сильный взрыв, но, к сожалению, отрицательного заряда, однажды, правда, прогремел. Он последовал за неуклюжей и неумной попыткой спортивных и околоспортивных чинов не без подмоги услужливых журналистов опорочить Яшина, якобы провалившего мировой чемпионат 1962 года в Чили. С их подачи трибунная шпана принялась затаптывать своего недавнего фаворита. Что ж, с кумирами это время от времени случается везде и всюду. И совсем ничего удивительного, что случилось у нас, как нигде приученных вечно искать стрелочников и лупцевать грешников.

Однако неприличная акция, затеянная спортивными воеводами, обернулась вскорости тем, что доверие к оболганному вратарю не то что возродилось – невероятно возросло. Отвернувшуюся часть публики он образумил уже в 1963 году новыми геракловыми подвигами и держал высоту всеобщего признания вплоть до последнего шага на футбольном поле. Опять-таки лучше не скажешь, чем Лев Филатов: «Что он в свою игру вкладывал душу, нельзя было не чувствовать. Да, за него болели, им восторгались. Но ему еще и сострадали. Как человеческой душе... Секрет его исключительной популярности везде, где он играл, – как раз в его различимой человечности». Навидавшись Яшина, начитавшись о нем в прессе, наслышавшись от футболоманов, его знали в стране чуть ли не все поголовно.

Сейчас вызывает шквал восторга и умиление до слез выход из группы в Лиге чемпионов или путевка на чемпионат мира, а в то время ликованием (но без сегодняшних дикарских выходов) встречали только серьезные, конечные успехи – выигрыши более или менее значимых турниров. По завершении Олимпийских игр 1956 года в Мельбурне, когда наши атлеты больше месяца возвращались в Москву – теплоходом «Грузия» до Владивостока и оттуда уже поездом, на каком-то полустанке по пути следования состава в «футбольный» вагон ввалился старик с окладистой бородой, в тулупе, весь заиндеветший на сибирском морозе, и прогудел на весь коридор:

– Где бы мне, сынки, найти Льва Яшина? Двести верст протопал пешком, чтобы его повидать.

А когда Яшин вышел из купе, старик трижды его расцеловал и достал из торбы большого вяленого омуля со словами:

– Вот отдавайте с друзьями нашей байкальской рыбки.

Так вынужден был публично изображать картину Лев Иванович. О том, что таежный гость затащил в вагон еще и немалую емкость с самогоном, тогда и заикнуться было невозможно.

Беккенбауэр в своих мемуарах вспоминает, как в 1986 году гостил у Яшина, а тот возил его по городу, показывал Москву. И где бы они ни останавливались, постаревшего вратаря, с трудом передвигавшегося с костылем, все узнавали и приветствовали если не возгласом, то улыбкой. Кайзер Франц увидел слезы на глазах трех пожилых женщин, убиравших от снега футбольное поле в Лужниках, куда его привел Яшин.

– Господи, Лев Иванович, неужели мы снова вас видим? Какая радость! – Они встретились как старые добрые знакомые, простые уборщицы и всемирно известный человек.

Эхо всенародной, как бы громко это ни звучало, любви к Яшину доносится даже извне. Многолетний корреспондент «Известий» в Испании Владимир Верников как-то в 80-х оказался на трибуне стадиона «Висенте Кальдерон» – домашней арены мадридского «Атлетико» рядом с испанцами, вернувшимися на родину из Советского Союза. Они были вывезены сюда детьми, вырванными из огня гражданской войны, прожили с нами долгие годы, до сих пор хранят благодарность своей второй родине, которая их приютила, обогрела, дала жилье, образование, работу. Когда узнали, что их сосед по трибуне из Москвы, бросились его обнимать, долго расспрашивали, а при прощании просили передать привет... Льву Яшину, которым не перестали восхищаться по прошествии лет.

Репутация Яшина выливалась в какое-то особое доверие к нему, находившее самые необычные, но очень уж показательные формы проявления. На стыке 70-х и 80-х годов Лев Иванович работал заместителем начальника Управления футбола Спорткомитета СССР. Тогда был весьма развит эпистолярный жанр: велась активная переписка – не столько между людьми, как когда-то, в прошлой жизни, сколько между просителями, жалобщиками, добровольными советчиками, с одной стороны, и учреждениями, с другой. Самый популярный вид спорта, особенно в периоды осложнений, вызывал потоки писем в Управление футбола Спорткомитета и общественный орган – Федерацию футбола СССР, редакции газет и, конечно же, в ЦК КПСС. Футбольный аппарат был завален прошениями, в том числе и пересланными для ответа из высоких инстанций.

Согласно установлениям тех лет отвечать было обязательно, по существу и в определенные сроки. Отписка или неудовлетворенность искателей справедливости порождала повторные обращения и жалобы. Переписка с некоторыми любителями водить пером по бумаге грозила, казалось, бесконечностью. Но когда на бланке Управления или Федерации отвечал Яшин, даже профессиональные жалобщики прекращали почтовую бомбардировку. Подпись Яшина обычно ставила точку в переписке. И не один лишь авторитет имени тому объяснение, хотя и он тоже. Самые раздражительные и подозрительные отправители верили этому человеку. Как подметили коллеги, Лев Иванович сам не давал и не подписывал подготовленные подчиненными формальные ответы. Он с вниманием и терпением относился к соображениям болельщиков. Не считал их неодоушевленной массой, относился без бытующего в профессиональной среде насмешливого пренебрежения. Говорил: «Людей распирают эмоции. Когда футбол не вызывает эмоций, вот это беда». За понимание люди платили той же монетой.

Яшин чувствовал, осязал народную поддержку. И свою сбивчивую речь на торжественных проводах в 100-тысячных Лужниках 27 мая 1971 года закончил не принятым тогда обязательным выражением благодарности партии и правительству, а всего двумя словами от чистого сердца: «Спасибо, народ!»

Знаменитому вратарю отдавали должное даже люди, чуравшиеся спорта или равнодушные к нему. Они понимали, что такое Яшин. Когда в мае 1964 года главный редактор

«Франс футбол» Макс Юрбини приехал в Москву с «Золотым мячом», чтобы перед матчем на Кубок Европы СССР – Швеция вручить его победителю ежегодного конкурса лучших европейских футболистов, среди многочисленных интервью, которые гость здесь взял, расспросы он начал со своей переводчицы. 25-летняя выпускница МГУ Регина Рубальская поставила Яшина в один ряд с живыми «достопримечательностями» страны:

– Шаляпин был артистом, певцом, и каждый раз, показывая гостям дом, в котором он родился, я испытываю волнение. Гагарин – это космос и открытие неведомого. Уланова – это танец, и я не перестаю ею восхищаться. Яшин – это футбол, который я не понимаю, но зато понимают, увлекаются им миллионы людей. Шаляпин, Гагарин, Уланова, Яшин – все они русские люди мирового значения.

Моя мать, ненавидевшая футбол, видно, ревнуя меня к нему, делала исключение только для Яшина – пришлось отпаивать ее успокоительным, как только грохнула весть о том, что Яшин остался без ноги. Не забыть и ответа на мой вопросительный взгляд пожилой, бедно одетой женщины, чье касательство к футболу и, стало быть, присутствие в скорбной мужской очереди к динамовскому административному корпусу для последнего прощания с Яшиным казалось необъяснимым:

– Какая я там болельщица! Видела-то его всего несколько раз по телевизору – все удивлялась, как он, бедняга, убивался в этих своих воротах, чтобы не огорчать страну. А как-то включила «ящик», смотрю – выступает, так за версту видно: хоть и фигура, а человек!

Благоволители к Яшину и верхи. Было бы чудно, если бы в стране, где власть контролировала почти все и вся, она упустила возможность извлечь пользу из феномена Яшина, козырять им по всякому поводу и без повода, благо его популярность не сопровождалась даже намеками на приступы звездного величия, а непоказная скромность, воспитанность и дисциплинированность укладывались в принятые нормы общественного поведения, как бы лицемерно ни толковали моральные ценности власть предержащие. Так не по своей воле и незаметно для себя Яшин превратился в живой экспонат выставки социалистических достижений – его стремление делать свое дело на совесть и достигнутые успехи подавались как результат социальной системы. Хотя в какой-то степени футбол был ее зеркальным отражением, поскольку считался делом государственной важности. Так что правительственные награды Яшина особенно не заставляли себя ждать, да какие – орден Ленина, два ордена Трудового Красного Знамени. Под конец только вышла заминка с присвоением звания Героя Социалистического Труда.

Начал эту кампанию Николай Озеров. Он повидал на своем веку массу наших великих чемпионов, но никогда не скрывал, что вопреки спартаковской принадлежности своего сердца считал динамовца Яшина спортсменом № 1. Тот уже тяжело болел, а советская бюрократическая машина крутилась, как обычно, со скрипом, страшно медленно. И лишь за 13 дней до кончины, когда обессиленный Лев Иванович уже не выходил из дому, появился Указ о присвоении ему звания Героя Социалистического Труда.

Мой старинный университетский товарищ, а тогда, в самом начале 90-х, призванный М.С.Горбачевым в Президентский совет академик Станислав Шаталин рассказывал позже, что присвоение Яшину звания Героя побудило его ходатайствовать перед президентом о такой же награде для футбольного патриарха Николая Петровича Старостина. Патрон согласился, но началась обычная канитель. И тогда академик, известный своими резкими пассажами, не постеснялся выговорить президенту: «Вы хотите, чтобы награда догнала человека после смерти или за неделю до нее, как бедного Яшина?»

Президент собирался сам вручить прославленному вратарю Золотую Звезду Героя. Во всяком случае, об этом намекнули семье. Чапаевский переулок и улица Георгиу-Дежа (сейчас 2-я Песчаная), на угол которых выходит дом, где обитал Яшин, были уставлены черными «Волгами» с мигалками и заполнены агентами спецслужб. Такие меры безопасности преду-

сматривались только для первого лица. Но, сославшись на занятость, президент прислал Р.Н. Нишанова, председателя одной из палат парламента.

Когда на следующий день я узнал об этом, помню, не сдержался и грубо выругался. Сразу промелькнул перед глазами доставленный в Мадрид на финальный матч чемпионата мира-82 смертельно больной президент Италии Алессандро Пертини. Немошный 88-летний старичок плясал от радости, когда «скуадра адзурра» выиграла Золотой кубок. Теперь, когда пишу эти строки, вспоминаю и президента Франции Жака Ширака, натянувшего на себя футболку национальной сборной и распевавшего «Марсельезу» вместе с ликующим стадионом «Стад де Франс» в честь победы на мировом первенстве-98. Проплывают в памяти кинокадры, запечатлевшие горячие объятия президента Аргентины Карлоса Менема с Диего Марадоной.

Сочувствие Яшину после ампутации ноги выразила королева Нидерландов. А свой президент не нашел получаса, чтобы поддержать его в еще более тяжком положении, пусть даже вручение Звезды Героя первому среди спортсменов не могло его утешить. «Зачем мне эта звезда, Гена, я же умираю...» – этот шепот, сам неузнаваемый вид Льва Ивановича заставил находившегося рядом Геннадия Хазанова сильно напрячься, чтобы сдержать готовые хлынуть слезы.

Нервное и безрезультатное ожидание президента и последовавшая затем процедура награждения даже при добродушной размягченности явно вошедшего в положение Нишанова, вероятно, лишь усилили стресс и, не исключено, приблизили смертный час Героя. И через много лет не может скрыть оскорбленных чувств, обиды за друга обычно невозмутимый и корректный Никита Павлович Симонян: «В какой еще стране мог так поступить глава государства?»

В той самой стране, где через пять лет после кончины величайшего из вратарей мирового футбола в его квартире объявился гонец из Музея спорта, куда, как положено, были сданы Золотая Звезда и прилагаемый к ней с присвоением звания Героя орден Ленина. Гонец объявил, что теперь эти награды не представляют собой музейной ценности и вернул вдове. Обидело ли это ее? Нет, скорее покорило: «Разве плевки в собственное прошлое способны осчастливить страну?» А что награды Яшина нежданно-негаданно вернулись домой, так Валентина Тимофеевна даже обрадовалась: уж она-то с дочерьми их точно сохранит.

Покушение на правду

Прежняя власть, расщедрившаяся на высшие награды первому футболисту страны, давно уже не в почете, а вместе с ней усердные «искатели правды» поместили черной меткой многих из тех, кто был ею обласкан. Попервоначально накинулись даже на таких корифеев, как лучший мелодист советской песни Исаак Дунаевский и могучий актер Михаил Ульянов. Стали цеплять и Льва Яшина. При этом «полемисты-вольнодумцы» не желали отдавать себе отчет, что фабрикация искусственных героев вроде некоторых стахановцев, которым создавались особые условия труда, или административных шишек союзного (Л.И. Брежнев) и локального масштаба (писательский патрон Г.М. Марков), равно как отказ в официальном признании, а то и преследование Эрнста Неизвестного, Владимира Высоцкого или Альфреда Шнитке никак не означает отсутствия реальных заслуг перед страной многих людей, отмеченных наградами, премиями, званиями.

Разве высокие государственные отличия Константина Симонова, Александра Твардовского, Роберта Рождественского, Тихона Хренникова, Георгия Товстоногова, Олега Ефремова, Алексея Баталова, а в спорте – Михаила Ботвинника, Лидии Скобликовой, Ирины Родниной, Льва Яшина не совпадало с народным признанием, не отражало общественных предпочтений? И не подобным ли образом поступают западные демократии, прославляя деятелей искусства и спорта знаками государственного внимания типа орденов Британской империи и Почетного легиона? Но в той же Британии никому не втемяшется в голову на этом или подобном основании взять под подозрение сэра Бобби Чарльтона и попрекать его недавно скончавшимся Джорджем Бестом – безусловным талантом со скандальной репутацией.

Лев Яшин не дал ни малейшего повода, ни даже зацепки для пересмотра общественных оценок, а тем более для издевок («партийный вратарь»). Но, видно, глубоко права была Наталья Гундарева, как-то сказавшая, что «нет талантливых людей, которые не имели бы недоброжелателей». И такие вот недобросовестные интерпретаторы живой, еще пульсирующей футбольной истории, не забывая дежурно расшаркиваться перед Яшиным (иначе вовсе откажутся понимать), сыплют упреками, развенчивают за «партийное обожание», пытаются умалять достижения. Особенно обидно, что среди них встречаются свои же коллеги – вратари, списывающие собственную мифическую недооцененность на чрезмерные симпатии к Яшину сверху, а не на очевидный проигрыш ему в классе игры.

Затеял в 90-х годах эту мышиную возню ради запоздалой и оголтелой саморекламы Владимир Маслаченко, снедаемый желанием называться конкурентом, а не всего лишь дублером Яшина и эту свою претензию не постыжась озвучить. Безнадежного претендента на такую честь вовсе не смущает, что из 12 лет их параллельного пребывания в большом футболе он лишь один-два года пытался составить конкуренцию основному вратарю сборной страны, да и то, когда Яшин испытывал проблемы со здоровьем. Целые пять сезонов полировал скамейку запасных сборной, да так и не сумел его вытеснить. Вот почему иначе как дублером Яшина, увы, не воспринимается. Правда, потянул за собой еще одного охотника выбраться из-за его широкой спины.

Честно говоря, я был немного удивлен, что примкнул к тезису о катапультировании «одного из равных» другой его дублер – Борис Разинский. Вхожий в дом Яшина, подававший себя его другом, обычно находивший для Льва Ивановича только теплые слова, да и в этом прискорбном случае сказавший их немало, он тем не менее подхватил ложную версию о равноценности группы сильных советских вратарей, из которых то влиятельные силы искусственно выпячивали, то обстоятельства выделяли лишь одного счастливец.

«Он был и остается нашим лидером, правофланговым в длинном строю стражей футбольных ворот», – писал Разинский в автобиографической книжке «Футбол и судьба» (1996). В интервью еженедельнику «Футбол» (2003) заявил: «Я горд и счастлив, что близко знал великого Яшина, дружил с ним многие годы. Не припомню, чтобы Лев сыграл плохо. Я даже иногда по-доброму завидовал ему, его стабильности, надежности». Заметим про себя, что время, когда все это происходило, уже не нуждалось в перефразировках, таких, как якобы выпавшие из памяти случаи действительно плохой игры Яшина.

И вдруг чуть позже, в том же 2003 году, в пространной беседе с корреспондентом «Футбольной правды» (обстоятельного, острого аналитического журнала, просуществовавшего, увы, всего два года) Борис Давидович несколько меняет ориентиры и тональность. На вопрос, был ли Яшин стабильнее остальных, отвечает: «Я бы не сказал. Просто эпоха была такая, ей требовались герои». Вот видите, вопреки фактам и прежним высказываниям отрицается уже и общепризнанное преимущество вратаря № 1 в стабильности, плюс к этому дается понять, что Яшин был назначен героем, а не стал им, как произошло в реальности, заслужив почет и уважение трудами праведными.

Однако же футбол, вершимый на виду у всех, не позволяет произвольно отбрасывать неудобных и назначать героями любимцев богов: в конечном счете игра все расставляет по своим местам. И разве не остается признать, что боги – даже неважно, «большие люди» или тренеры – сделали единственно верный выбор, убедительно подтвержденный что неизгладимыми впечатлениями, что объективными результатами, которые оставил Яшин. Отважусь на аналогию с решением выдвинуть космонавтом № 1 Юрия Гагарина. Только кажется, что С.П. Королев угадал с кандидатурой. Нет, его предпочтение было глубоко продумано и обосновано – учитывались, почти в точности как в футболе с «назначением» Яшина, и лучшая готовность, и профессиональные свойства, и человеческие...

Продолжая высочайшим образом оценивать человеческие качества Яшина («это даже не обсуждается, прекраснейший был человек, просто великий»), вратарское его величие Разинский позже предпочел заменить более чем сдержанной оценкой: «Как профессионал, как мастер своего дела, он был вратарь высокого класса. Но вратарей такого класса в то время было несколько...» То есть уже не «лидер, правофланговый в длинном строю», которому автор «по-доброму завидует»...

Какой же из оценок верить? Я вовсе не ловлю Разинского на слове – каждый вправе менять позицию. Я пытаюсь лишь понять, почему кульбит на 180 градусов совершен в данном случае. И не нахожу иного ответа, кроме того, что и приличный человек может оказаться слаб. Допускаю, что Разинский, вероятно, даже подсознательно, поддался искушению выйти из тени Яшина, предоставленному массивной кампанией, которую развернул Маслаченко по пересмотру вратарских рейтингов и оценок. Не исключаю, что клюнул еще и на его персональные комплименты в собственный адрес, ощутил свой большой калибр, успокоил мирно дремавшее самолюбие. Поэтому на просьбу «Футбольной правды» прокомментировать вызывающую реплику Маслаченко «я не играл в эпоху Яшина – я играл в свою эпоху» Разинский уклонился от прямого ответа.

Между тем Владимир Маслаченко развил нешуточную активность в своем запоздалом возвышении. Учитывая склонность публики к острой пище в «смях», как забавно покаржил несклоняемую аббревиатуру известный журналист Андрей Черкизов, эти самые СМИ периодически кормят ее откровениями Маслаченко, потешая весь честной народ («Спорт-экспресс» – 1994, 1995, «Московский комсомолец», «Известия» – 2003, «Отечественный футбол» – 2006), а то и потешаясь, даже насмехаясь («Огонек» – 2002) над маниакальным стремлением, коли не получилось в реальности, взгромоздиться на вратарский пьедестал истории.

Всю обойму прозвучавших там небылиц, соединенных с былями для верности запудривания мозгов, разом выстреливает книга Вадима Лейбовского (2006), вышедшая к 70-летию Маслаченко. Сам этот журналист с футболом профессионально не дружит и соответствующими знаниями не обладает, так что не рискую ошибиться в ощущении, что выступает всего-навсего ретранслятором завихрений своего «доверителя» без какого бы ни было их критического осмысления. Не скажу фиктивный, правильнее – номинальный автор выведен на переплете настолько микроскопическими буквами, что истинного сразу же выдает название, рассчитанное на дешевый эффект, – «Владимир Маслаченко: Пеле повезло, что он не играл против меня». Сейчас в продаже масса фальсифицированных продуктов, это один из них (по крайней мере в подаче Яшина), густо замешанный на фактологических и оценочных искажениях, которые порой переходят всякие границы. Фальсификат и призван превознести до небес соавтора и героя книги в одном лице, прямо по Окуджаве «присвоить ему званье короля». А для этого требуется ни много ни мало сместить с трона, в крайнем случае потеснить на нем законного владельца короны.

Маслаченко никак не может смириться тем, что Яшин выделялся на фоне даже персонального богатства всей советской вратарской школы. Чтобы протащить идею равновеликости с колоссом, он, так и быть, готов взять себе в компанию еще несколько коллег. «В то время у нас в стране было не меньше трех-четырех вратарей уровня Яшина... И я в том числе» – это из «Огонька». «Лев Иванович, конечно, классный вратарь», – снисходит Маслаченко уже на страницах «МК». И продолжает: «Но в то время были в нашем футболе и другие классные вратари – Котрикадзе, Макаров, Беляев, Разинский, Маслаченко». В «Спорт-экспрессе», проводя ту же мысль, называет еще Банникова, Кавазашвили, Рудакова, не очень, правда, жалуя последнего.

Случайно ли Владимир Никитович бросил фразу, что при всей своей стабильности и титулованности Евгений Рудаков не слишком запомнился? Киевский вратарь – один из немногих, кто в какой-то степени унаследовал от Яшина изысканную простоту действий, когда, по выражению Эдуарда Стрельцова, вратарь не задирает ноги, если мяч рядом. Так что оценка, которой удостоен Рудаков, вполне могла быть вольно или невольно перенесена на него с ревнивого, необъективного взгляда на Яшина.

Коли уж вся перечисленная Маслаченко обойма или по крайней мере, как он высчитал, три-четыре вратаря действительно достигли уровня Яшина, спрашивается, почему же ни один из них ни в одном опросе специалистов не получил ни одного голоса при избрании символических сборных страны или лучших игроков за 50, 70, 100 лет отечественного футбола. Неужели «выборщики» – авторитетные старейшины футбольного и журналистского корпусов – отказали достойным претендентам под давлением «обожателей» Яшина из прежних верхов? Смешно даже предположить, что Б. Аркадьев, Н. и Ан. Старостины, М. Товаровский, М. Сушков, М. Якушин, Г. Качалин, Ю. Ваньят, М. Мержанов и многие другие уважаемые люди футбола могли испытывать какой-то нажим, оглядывались на чей-то указующий перст в этом своем выборе. Между тем некоторые современные публикации создают впечатление, что контроль власти распространялся абсолютно на все закоулки бытия, однако властители были не настолько безмозглыми, чтобы опускаться до всякой малости.

Я сам организовал выборы «сборной 50-летия» и десятки лучших футболистов СССР для публикации в справочниках-календарях 1967 и 1987 годов. Так вот, многие участники, перебирая звучные имена, на моих глазах вписывали с ходу, не раздумывая, только два-три – Льва Яшина, Григория Федотова, Всеволода Боброва. Если и находились у Яшина конкуренты, то никак не игравшие рядом коллеги, а предшественники – Николай Соколов и Владислав Жмельков, да и то отнявшие у него во всех выборных кампаниях суммарно лишь несколько голосов.

Разумеется, составление всевозможных рейтингов – это всего лишь род футбольной забавы, дополняющий интерес к чарующей игре. Но и весьма показательный, поскольку позволяет уточнить общественные оценки, приводя к единому знаменателю разные мнения. Однако в устроенных за полвека опросах не то что разных, даже двух мнений среди десятков эспертов не обнаруживается: в 50—60-е годы, когда выступал Яшин, он был среди своих братьев вне всякой конкуренции! И уже только поэтому усилия Маслаченко с прикнущим к нему Разинским доказать обратное совершенно напрасны. Но многообразные попытки взбудоражить, завести через СМИ сегодняшнюю общественность, не ведающую о твердом вердикте футбольной истории, требуют рассмотрения по существу.

Все те, кто играл параллельно с Яшиным и пришел ему на смену, были и в самом деле хорошие, некоторые – даже очень хорошие вратари. Но все же до яшинской выси им было далеко, скажем так, и статистически, и стилистически. В спортивном отношении им еще изредка удавалось приближаться к яшинской планке или даже дотягиваться до нее, как тому же Маслаченко в 1961–1962 годах. Но всего на два-три, от силы четыре-пять сезонов, в то время как за плечами Яшина свыше трех таких пятилеток более или менее устойчивой, с незначительными перепадами игры высокого качества и, как следствие, столь же длительного пребывания в сборной. Вплоть до 40-летнего возраста! За это время сменилось несколько поколений вратарей, а Яшин все блистал.

Неужели стабильность, измеряемую длиной чередой лет, могли затмить в сознании Разинского всего лишь «моменты, когда Яшин был явно не в форме», свойственные, как знает даже полный дилетант, любому, в том числе самому выдающемуся спортсмену? Впрочем, такие вопросы следует адресовать скорее Маслаченко, поскольку в обескураживающих высказываниях Разинского, подкрепляя мою догадку, улавливается не только маслаченковская «идея фикс» – даже его лексика.

Но уж если закоперщик сомнительной кампании взялся принижать Яшина, разве проймешь его другими, сущностными аргументами яшинского превосходства? Таким, например, как способность особенно сильно проводить самые ответственные и престижные матчи. Чрезвычайную мобилизованность на главные игры, многократно подтвержденную в крупных соревнованиях и не данную никому из коллег, слабо побить даже основному козырю Маслаченко, каким он избрал «провал» Яшина на мировом чемпионате 1962 года – исключение, только подтверждающее правило, да и то исключение сомнительное, провал сам по себе спорный, ждущий в следующих главах более обстоятельного разбора.

Наконец, уже совершенно неоспоримый, можно сказать, содержательный, предметный довод недосыгаемости Яшина – вратарский универсализм, только в нем совместивший обученность и новаторство, интуицию и расчет, искусство игры внизу и наверху, на линии ворот и на выходах, сэйвов и перехватов, неразрывность прямых вратарских обязанностей и организации игры в поле. Соответствие выбора каждого из практикуемых приемов игровой необходимости покоилось на органическом чувстве меры, не доступном, к сожалению, для многих хороших вратарей.

Но разве это понять, точнее сказать – принять Владимиру Маслаченко с его немереными амбициями? И чего только не наплетешь, чтобы реанимировать свою вратарскую значимость! Владимир Никитович не гнушается использовать даже муниципальную газету «Сокол», обратившись (2004) за интервью к знатному жителю престижного района Москвы. Не успел корреспондент закончить свой вопрос «Вы, как известно, входите в знаменитый Клуб Яшина...», как последовала раздраженная отповедь: «А может, в Клуб Маслаченко? Еще не известно, кто первым сыграл «всухую» 100 матчей...»

Как раз-таки известно – неоднократно посчитано и пересчитано статистиками, которые и предложили в 1980 году учредить такой Клуб, присвоив ему имя вратаря, первым сыгравшего «на ноль» 100 официальных матчей (всего их у Яшина 207, его за прошедшие годы

обошел, сыграв и зачетных встреч почти на сотню больше, Ринат Дасаев – 235). Не надо быть специалистом по высшей математике, дабы установить, что Яшин провел сотый матч без пропущенных мячей в 1962 году, а Маслаченко – в 1966-м.

Однако поселившийся в человеке комплекс сверхполноценности (противоположность более известного комплекса неполноценности), проще говоря, переоценка своих способностей и достижений, находящая выражение в неутоленной жажде признания и внимания к себе, отмечает даже беспристрастную цифирь: желаю быть первым, и все тут! Возжелал затмить Яшина даже в его «коронном номере» – игре на выходах, стать и пионером отражения ударов по воротам ногами, и автором такого ценного вратарского приема, как адресный выброс мяча рукой с размаха, пытаюсь росчерком пера среди бела дня отнять патент на это изобретение у Яшина.

Но чего там мелочиться с каким-то введением мяча в игру! Вот и оказывается, что «новый тотальный футбол» придумал не Валерий Васильевич Лобановский, а лично Владимир Никитович Маслаченко за годы работы... в Республике Чад, откуда и доставил эту идею Лобановскому, а тот взял ее да испохабил. Оказывается, это он, Маслаченко, в 1965 году добился возвращения в «Спартак» отправленного было в отставку с поста начальника команды Н.П. Старостина. Оказывается, именно ему, Маслаченко, принадлежало тогда же решающее слово в высоком разрешении отбывшему срок Эдуарду Стрельцову вновь выйти на поле. Разве не похоже на самопровозглашение прямо-таки футбольным мессией?

Однако все эти воздушные шары, раздутые настолько, что лопаются от смеха, не так безобидны, как кажется. Запущенные в популярных и многотиражных изданиях, они могут быть приняты непросвещенной футбольной публикой за истину: в футболе-то Маслаченко дока, его телерепортажи при всей словесной шелухе ценны квалифицированным разбором игровых эпизодов. Так почему не поверить историческим разборкам во вратарском кругу, затеянным на самом деле для того, чтобы внушить свою соизмеримость с Яшиным, а если блеф сойдет с рук, то и превосходство над ним?

Но все эти инсинуации не более чем редчайшие сорняки среди отзывов о Яшине в футбольной, вообще спортивной среде, никогда не питавшей сомнений в профессиональной и гражданской уникальности Яшина, которого суровый, не склонный к лишним сантиментам «мистер хоккей» Анатолий Тарасов не зря назвал «неповторимым человечеством». Это обязывающее слово, которое прежде мы привыкли благоговейно ставить только рядом с одним именем – Льва Толстого, еще дважды встречалось мне в соседстве с другим Львом – оно вынесено из общения с Яшиным начисто лишенным пафоса партнером по сборной страны Виктором Шустиковым и известной баскетболисткой Галиной Ворониной.

Особенно ценно, что Лев Яшин воспарил высоко над всеми в самых квалифицированных откликах, принадлежащих его маститым предшественникам и соратникам по вратарскому цеху. Единодушие в признании безусловного лидерского статуса Яшина, царившее, как мы уже знаем, в зарубежных вратарских кругах, разделяли в подавляющем большинстве лучшие наши голкиперы начиная с патриарха Николая Евграфовича Соколова.

Анатолий Акимов, Алексей Хомич, Виктор Набутов, Алексей Леонтьев, Владимир Беляев, Анзор Кавазашвили, Виктор Банников, Юрий Пшеничников, Юрий Дегтярев, Владимир Пильгуй и многие другие не позволяли себе заразиться жалкой и мелкой завистью к титану. Им и в голову не приходило доказывать свою равнозначность с Яшиным, как это в агрессивной манере непризнанного гения делает Маслаченко. Не останавливаясь, кстати, перед абсурдом отказа в самостоятельности решений тренерам сборной, якобы поддававшимся в выборе состава чиновничьему «обожанию» Яшина и тем самым перекрывавшим трассу другим голкиперам.

Эта впариваемая нам мысль никак не согласуется с фактами привлечения к играм сборной 50—60-х годов еще 12 вратарей. Из них пятеро (Олег Макаров, Валентин Ивакин,

Владимир Лисицын, Рамаз Урушадзе, Юрий Дегтярев) проходили разовые проверки, трое (Борис Разинский, Владимир Беляев, Владимир Маслаченко) выставлялись по несколько раз, а остальная четверка (Виктор Банников, Анзор Кавазашвили, Юрий Пшеничников, Евгений Рудаков), правда, уже на излете яшинской карьеры, выступала достаточно регулярно (у Кавазашвили набралось 29 игр). Но все семь тренеров сборной («стационарные» Гавриил Качалин, Константин Бесков, Николай Морозов, Михаил Якушин и «калифы на матч» Василий Соколов, Георгий Глазков, Никита Симонян) в конечном и суммарном счете предпочитали Яшина в силу несравненной профессиональной надежности и не знавшего конкуренции морального веса в команде.

Посудите сами, неужели всех этих маститых тренеров можно было принять за пешки в руках каких-то манипуляторов? Да и разве были тренеры враги сами себе, дабы под чьим-то мифическим воздействием, рискуя интересами дела и своей репутацией, выбирать неподходящего кандидата на решающую позицию в команде? Неужели одна только магия имени (а она действительно существовала) могла так бесконечно долго удерживать Яшина основным вратарем сборной, да еще при веренице совершенно несхожих тренеров? В течение 14(!) лет он заступал на пост № 1 в официальных (регистрируемых ФИФА) играх сборной СССР, проведя почти столько же матчей, сколько остальная дюжина, вместе взятая.

А мог ведь запросто довести стаж «сборника» до 17 лет, если бы сам не отверг предложение тренерского штаба сыграть на чемпионате мира 1970 года в Мехико, куда прибыл запасным. Г.Д. Качалин хотел выпустить его на матч с Сальвадором. Но Яшин считал, что основной вратарь Анзор Кавазашвили должен держать тонус и его незачем лишать игровой практики перед решающей встречей в группе и последующими играми. Кто бы еще отказался засветиться в играх четвертого подряд мирового первенства! Но для Яшина ритуальный выход на поле ничего не значил, если могли пострадать интересы национальной команды.

И вот младший товарищ, которого старший тянет в сборную, отстаивает перед тренерами Гавриилом Качалиным и Николаем Морозовым (Константин Бесков о Маслаченко и слышать не хотел), готовый уступить свое собственное законное место, в качестве благодарности за великодушие через много лет объявляет, что «из Яшина сделали легенду». В каком бы контексте ни прозвучало это «открытие» Маслаченко, оно вдвойне отвратительно – в этическом и профессиональном ракурсе. Кто как не футбольный и телевизионный волк должен понимать, что в этой обнажающе правдивой игре искусственно возвысить кого бы то ни было невозможно, ибо футбол творится на глазах десятков тысяч зрителей, а с наступлением как раз в это время телевизионной эры – и миллионов телезрителей, их не обманешь и любимцев не навяжешь.

Да и если бы это удалось, проникновение легенды по имени Яшин на буржуйский Запад (а в ином представлении даже рождение ее там) трактовать можно не иначе как выполнение почетного заказа КПСС или тайную акцию КГБ! Причем с участием завербованных арбитров, которые, оказывается, и с поля Яшина не удаляли, когда он заслуживал! А может, наоборот, это была, как тогда выражались, диверсия империализма? Иноземная-то пресса вместе с «враждебным» ТВ преподносили Яшина порой более объемно и красочно, чем любившие жевать жвачку родные СМИ.

На партийно-государственном «обожании» Яшина беспрерывно педалирует и футбольный литератор Александр Нилин. Если ему претит россыпь правительственных наград, то почему в черный список «обожаемых» не включает Николая Старостина, Всеволода Боброва, Игоря Нетто, Константина Бескова? А может, раздражает, что Яшин то и дело приглашался на трибуну для выступлений и в президиумы собраний, был «облизан» прессой? Но и здесь вратарь в приятном обществе – с Борисом Лагутиным, Валерием Борзовым, Людмилой Турищевой, Лидией Скобликовой, Ириной Родниной, Владиславом Третьяком.

Иные из названных в самом деле вольно или невольно чуть погрелись у подножия власти, однако их официальное, а то и номенклатурное положение в комсомоле и профсоюзах в упрек не ставится. И правильно, потому что эта мелкая и ничтожная подробность чемпионских биографий никак не умаляет немеркнущую грандиозность и незыблемость спортивных достижений. Яшину же, и не помышлявшему приклеиваться к власти, лепится ярлык то «идеологического спортсмена», то «номенклатурного футболиста». Ему, по-видимому, не прощается, что власть сама к нему приклеилась, вовсю используя в целях еще одного доказательства советской эффективности. Без вины виноватый Яшин давал для этого повод главным образом тем, что отменно делал свое дело, пахал побольше других. И за это надо вдогонку пускать ядовитые стрелы подковырок и прямых оскорблений?

Спортивные и человеческие достоинства Яшина были настолько очевидны, так бросались в глаза, что его современники вполне созрели для верных оценок и без всяких манипуляций их сознанием, каких-то идеологических внушений. Существует даже мнение, что Яшину недодано советской пропагандой, что он заслуживал гораздо большего. Никита Симонян, к примеру, считает, что его никогда и не раскручивали до уровня национального героя, а «это было бы справедливо».

В противовес изображению Яшина «идеологическим спортсменом» приведу и высказывание, принадлежащее Алексею Симонову. Не потому что он сын знаменитого поэта и руководит Фондом защиты гласности, а потому, что слов на ветер не бросает и безусловный авторитет в среде гуманитарной интеллигенции. Вот веское слово Симонова: «Я считал Яшина идиолом. В жизни и по образу мышления я вообще против идолов. Но не против Яшина, ибо Лев был «идол» особый, ненавязчивый и ненавязанный, не идеологический, не колосс на глиняных ногах, не пропагандистский фетиш, а образ (пусть и несколько «идол») открытости (насколько это было возможно), товарищества, силы, решительности. С таким «идолом» я готов был мириться».

Отдается ли отчет, что совершенно произвольное отнесение к «номенклатурщикам» задевает не только Яшина, но косвенно цепляет многих других людей, чьи реальные заслуги и людское уважение не отменяются благоволением власти? И что же есть на самом деле номенклатура? В номинальном, словарном смысле слова она означает должностных лиц, которые назначаются или утверждаются вышестоящим органом административной системы. В переносном смысле это ограниченный круг привилегированных избранных власти. Но к Яшину это не имеет никакого отношения даже в уничижительно-ироническом значении, приданном выражению «номенклатурный футболист».

Какие там были у него привилегии! Материально-бытовые условия (зарплата, квартира, автомашина вне очереди) – как у других элитных футболистов, включая «необожжаемых», и с номенклатурными привилегиями они не шли ни в какое сравнение (к особой поликлинике приклеплен небыл, «авоську» с набором дефицитных продуктов не получал). В коридоры власти Яшин вход не был, да и не звали.

По роду работы мне приходилось общаться с некоторыми номенклатурными деятелями. Люди они были разные, встречались и очень приличные, но даже на челе обычно вежливых и обходительных «номенклатурщиков», пришедших в 60—80-е годы на смену грубым и неотесанным, чаще всего лежала печать самодовольства, с трудом скрываемого превосходства над нами, плебейями. Яшин и по этому верному признаку не подходит к их роду. Невольную поддержку такое наблюдение получило от самого инициатора яшинского причисления к номенклатуре. В документальном фильме «Лев Яшин: легенды и были» (1999) Александр Нилин вполне достоверно рисует портрет вратаря: «На выразительном лице человека честного, тяжелого труда читались усталость, страдание, но только не превосходство». Если бы оно отягощало вратаря, партнеры никогда не признавали бы его в доску своим, душевно

близким. Если бы Яшин был «номенклатурен», это быстро усекла бы и заграница, которая мало того что не отвергала его, но привечала побольше, чем советские «благодетели».

Государственная лояльность ничуть не избавила Яшина от чиновничьих отлугов, черствости, равнодушия, а бывало – прямых измышательства. Так уж было заведено: одной рукой власть осыпала наградами, а другой третировала, устраивала всякие пакости – крупные и мелкие. Как и многим другим лучшим людям страны. Некоторых попросту травила, как, например, лауреата шести Сталинских премий композитора Сергея Прокофьева. У музыкальных критиков, однако, хватает ума не акцентировать внимание даже на том, что тот пресмыкался перед властью. Потому что был гений, загнанный в угол. Но Яшин-то не пресмыкался – и условия со сталинских времен изменились, и характер был не тот: говорил напрямую. В постфутбольные годы, вращаясь в спортивно-бюрократических кругах и поднаторев, – более взвешенно (хотя Михаил Якушин считал, что никаким не был дипломатом), но все равно резал правду. Злопамятные функционеры этого не прощали, да и просто куражились, показывая, кто хозяева положения – они, чинуши, или ходившие под их пятой всеобщие «любимчики». И несмотря на это, Яшин схлопотал от отдельных футбольных критиков.

«Кто нами руководит?» – не однажды и не только своими неприятностями возбуждался Яшин. Иной раз на людях принимался так костерить родимую бюрократию, что близкие друзья опасались вызова куда следует и расправы за антисоветчину, но доносчики вокруг него не водились. Пренебрежение к людям, унижение человеческого достоинства, которое время от времени познавал на своей шкуре и других судьбах, тех же инвалидов-афганцев, оказавшихся соседями по больничной палате, доставляли ему невыносимую душевную боль. А как защищал несправедливо обиженных, в том числе братьев-футболистов! Все бы были такими «номенклатурщиками»...

Заделявшись чуть ли не штатным биографом Валерия Воронина и Эдуарда Стрельцова, Нилин считает нужным возвышать эти и без того значительные фигуры почему-то за счет Льва Яшина. Противопоставлять крупные личности – самое последнее дело. Никто ведь из серьезных людей не стал бы укорять Станиславского Мейерхольдом, Толстого – Достоевским, Ботвинника – Каспаровым и наоборот. Все они насколько великие, настолько же и разные. А Яшина почему-то надо срамливать то со Стрельцовым, то с Ворониным, даже с Владиславом Третьяком.

Что удивительно, нелепость противопоставления крупных фигур сознает... сам Нилин. Разбирая соперничество замечательной пары тренеров Бориса Аркадьева и Михаила Якушина, он пишет в книге «XX век. Спорт» (2005): «Сравнивать тренеров-соперников, даже абстрагируясь от результатов, нелепо. Не сравнивают же серьезные читатели Льва Толстого с Достоевским. Одним один близок, другим – другой». А вот футбольных великанов, замечает в другом месте, в новые времена сталкивают лбами, и на этом неблагодарном поприще прежние власти получили достойную смену в лице тех самых «полемистов-вольнодумцев».

В фильме «Вижу поле» (1991) закадровый голос знакомого автора даже сожалеет, что «старались отдалить друг от друга двух великих футболистов, одного официально признанного, другого пребывавшего в неофициальной опале, но они глубоко уважали друга друга». Яшин со Стрельцовым действительно испытывали друг к другу симпатии и профессиональное уважение. На практике оно выливалось в тщательное продумывание и особую подготовку к взаимному противостоянию на поле.

Знаменитый стрельцовский пас пяткой, давно уже ставший достоянием любого мало-мальски приличного игрока, по его собственному признанию, был введен в обиход благодаря Яшину. Получился он первый раз спонтанно, когда таранный центрфорвард «Торпедо» таким непривычным тогда способом неожиданно отбросил мяч назад под удар Валентину

Иванову, и им наконец удалось обхитрить непробиваемого Яшина. Стрельцов, на радостях обнимая партнера, тогда даже воскликнул: «Вот как только можно Леве забивать!»

Я бы осмелился сказать даже, что Стрельцов относился к Яшину трепетно, не скрывая тяги к завидной личности, по-человечески и по-спортивному привлекавшей тем, что самому ему не было отпущено собственным характером. Неоднократно признавался в преклонении перед Яшиным и Воронин. Случилось даже – в разговоре со мной, хотя были еле знакомы.

Я наткнулся на Валерия в стокгольмском супермаркете за день до игры на Кубок Европы Швеция – СССР. Это был май 1964 года. Помню, он был ограничен во времени и попросил найти в необъятном магазине отдел, где продавались «болоньи» (вошедшие в моду плащи из водоотталкивающей синтетики) – хотел купить для матери. В беготне по этажам я успел среди прочего спросить, не намерен ли Воронин больше внимания уделять защите – что-то пробубнил ему о беспокойстве за тылы. «Но там же Яшин!» – обнажил свои идеальные зубы писаный красавец, удивляясь моей непонятливости.

В том же, 1964 году, вернувшись из Копенгагена, где вместе с Яшиным играл за сборную Европы против сборной Скандинавии (4:2), в редакции «Футбола» расточал в моем присутствии своему напарнику по поездке щедрые комплименты за «немыслимые мячи», которые тот взял. Не забывал и товарищескую поддержку совсем уж необычного рода, которую получил от Льва, когда в 1969 году после автокатастрофы и тяжелой операции вновь появился в матче «Динамо» – «Торпедо». В тоннеле перед выходом на поле, когда Яшин увидел изуродованное, неузнаваемое лицо и жалкий, растерянный взгляд бывшего партнера по сборной, сочувствие так обожгло его, что, наверное, первый и последний раз человеческие эмоции подмяли под себя спортивную принципиальность, и динамовский ас произнес:

– Валера, один от тебя пропущу, но больше никак не могу...

Не знаю, был ли Яшин способен пропустить мяч сознательно, но его человеческий порыв мог проникнуть в подкорку, а с другой стороны, штрафной удар Воронина представлялся достаточно сложным для вратаря. Так или иначе, обещание Яшина оказалось выполненным, хотя гол поставил динамовцев в положение проигрывающих – 0:1, правда, конечный результат все же оказался в их пользу – 4:2. Сдается мне, что и в загубленном, испитом состоянии душа этого несчастного человека хранила пожизненную благодарность Яшину.

Однако дружески-уважительное, а то и почтительное отношение Воронина и Стрельцова к своему спортивному оппоненту – их «душеприказчику» не указ. Оплакивая крокодильевыми слезами попытки отдаления гигантов друг от друга, тот в своих сочинениях сам усердно разводит по разным углам «народного» Стрельцова с «официозным» Яшиным. Да еще как: «Возвращение Стрельцова в 60-е годы не могло не отодвинуть Яшина в болельщическом признании. Официоз Яшину только мешал, а «недодача» властей продолжению славы Эдуарда только способствовала». И еще: «Стрельцов вернул футболу аншлаги».

Вспоминаю сам, опрашиваю других очевидцев футбольных событий 40-летней давности и не нахожу ни малейшего подтверждения, что возвращение Стрельцова отодвинуло Яшина в болельщическом признании. Я тогда много общался с болельщиками – и «стихийными» и организованными (в том же лужниковском Клубе любителей футбола). Да и в компаниях, где сживал – дома у себя либо приятелей, в Домах ли журналиста, актера (ВТО), литераторов, архитекторов, – о дележке славы между Яшиным и Стрельцовым, о каком-то перераспределении лавров, хоть убейте, слышать ни от кого не приходилось. Ни от недавнего «безродного космополита» писателя Александра Борщаговского или уморительного поэта-сатирика Владлена Бахнова, ни от какого-нибудь Васи Пупкина. Слава футбольных колоссов, заслуженная каждым в отдельности, могла словно канат перетягиваться от одного к другому лишь в горячечном восприятии мелкой фронды, изощрявшейся в своем нигилизме как только могла.

Населению стадионов, в отличие от прибудных завсегдаев ресторана ВТО из соседнего АПН (Агентство печати «Новости»), был по барабану «официоз» Яшина, да еще приписанный. Стадионные массы больше заводились от досадных голов и поражений, приписанных знаменитому вратарю. Но ведь по первое число доставалось и Стрельцову, не раз и не два с той же степенью справедливости обвиненному в простоях и безделье на поле.

В футболе как от великого до смешного один шаг, так и от смешного до великого. Разве же секрет, что после чилийского казуса популярность Яшина, якобы отодвинутого Стрельцовым в болельщицком признании, взмыла вверх. Она достигла пика в 1963–1964 годах и оставалась в этих высоких далях в 1965—1967-м, то есть параллельно второму явлению центрфорварда. Возвращение Стрельцова, которое и впрямь можно назвать триумфальным, не спорю с Нилиным, вызвало зрительский ажиотаж. Но аншлаги он не вернул, потому что они и не исчезали. Можно легко доказать документально, что Лужники и другие стадионы многократно собирали полные трибуны как до этого возвращения, так и после него, в матчах и без участия Стрельцова.

Другим героем своего романа тот же автор старается ужалить Яшина не менее больно. В книжке «Валерий Воронин. Преждевременная звезда» (2000) замечает: «Существует в околоспортивных кругах крайне некорректная манера противопоставлять Валентина Иванова Стрельцову и Воронину. Выдавать его за эдакого благополучного хитреца, который устроился в жизни лучше этих стихийных натур». Такие «хитрецы» на самом-то деле не устроились в жизни лучше, а построили жизнь лучше – одни не поддались человеческим слабостям, другие были не слишком отягощены ими, не сльвя при этом ни профессиональными фанатиками, ни монахами, чуждыми мирских удовольствий. Но почему-то тремя страницами дальше автор повествования позволяет себе не то что отвергнутую им же некорректную, а презрительную манеру противопоставления Воронина – только не Иванову, а другому «хитрецу».

Я и не подозревал, что Воронин «входил в различные символические сборные на всякие торжественные матчи почаще, чем Лев Яшин (Яшин и не всегда в середине 60-х находился в лучшей форме и меньше гораздо Воронина, привлекавшего своей откровенной иностранностью, нравился тренерам этих сборных, настороженно относившимся к советскому футболу с его великим партийным вратарем)».

Все это, мягко говоря, явные передержки. Начать с того, что Яшин втрое чаще Воронина приглашался в сборные ФИФА и УЕФА – и вовсе не символические (т. е., к сведению путаников, виртуальные, составленные по результатам опросов), а реальные, играющие (в символические же – насколько чаще, не сосчитать). Настороженное отношение тренеров интернациональных сборных к «партийному вратарю» полностью расходится с фактами, как и утверждение, что зарубежные звезды в Воронине «единственном, пожалуй, из советских игроков видели коллегу».

Это у нас после Чили-62 на Яшине собирались поставить крест, а чилийский тренер сборной ФИФА Фернандо Риера, не успев даже определиться с ее окончательным составом, назвал советского голкипера первым среди кандидатов на исторический матч с Англией, попутно объявив его лучшим вратарем якобы провального первенства мира-62. Точно так же не задумывались над кандидатурой вратаря сборных ФИФА и УЕФА их очередные тренеры Хельмут Шен и Деттмар Крамер из ФРГ. Шен признавался, что у него и сомнений не могло возникнуть, кого ставить в ворота.

Никакая партийность, «советскость» Яшина не мешала и партнерам по этим сборным, светилам мировой величины, питать к нему лучшие чувства и до сих пор хранить память о русском друге, в чем не раз и не два признавались Пеле, Эйсебио, Беккенбауэр, Чарльтон-младший, Факкетти и другие покорители самых высоких футбольных вершин. Даже холодный и неприступный Ди Стефано, раз появившись в Москве, просил прервать из-за

нехватки времени экскурсию в Третьяковку, чтобы успеть (вне всякой программы пребывания) к последнему пристанищу Яшина на Ваганьковском кладбище.

Пересекаясь с мировыми звездами то в матчах сборных ФИФА и УЕФА, то на чемпионатах мира или международных футбольных конгрессах, Яшин никогда не чувствовал ни отчуждения, ни пренебрежения, поначалу только любопытство – все-таки человек из-за «железного занавеса». Знающие себе цену футбольные премьеры с ходу приняли его как равного в свой негласный элитарный клуб избранных. Яшин подбил их на такое приятие и масштабом таланта, и абсолютной естественностью поведения. В один голос, даже одинаковыми выражениями славили советского друга футбольные знаменитости. «Яшин как мастер не вызывает ничего, кроме восхищения, как человек ничего, кроме симпатии», – говорили журналистам, в очередной раз свидевшись с ним, Раймон Копа и Франсиско Хенто.

Приходилось читать в зарубежной прессе, да и самому видеть в Стокгольме, Лондоне и Мадриде, насколько «партийный вратарь», в отличие от многих соотечественников, неважно – партийных или беспартийных, но, как правило, мрачных и нелюдимых, открыт, улыбочив, предупредителен. Может, мне не повезло, но читать подобное о Воронине не доводилось, скорее отмечались его внешняя привлекательность, лоск, элегантность. Тоже неплохо. Что ж, каждому свое. И ночные празднества, и предыгровые хождения в загранпоездах по местным барам. Но это я не в осуждение Воронину – каждый поступает как знает. Только, простите, не могу уложить в понятие «западник», как идентифицирует его Александр Нилин.

Приписывая зарубежным тренерам и игрокам свое собственное любование «открытой иностранностью» Воронина, на самом-то деле далекой от рациональных европейских манер, Нилин выдает за нее обыкновенную богемность своего приятеля. Выражаясь языком этого автора, загульность Стрельцова носила более узнаваемые, родные черты, и, равно как воронинской светскостью, публицист восхищается уже его русской бесшабашностью, но в обоих случаях с явным сладострастием приподнимает над Яшиным.

Чем же не угодил бедный Яшин? Не думаю, что такой подход подталкивало расположение к «Торпедо» и особенно к его лидерам, с которыми съеден пуд соли (то бишь выпито – не скрывает Александр Павлович – море водки), но вот вопрос: обеспечивается ли такой близостью к своим героям незамутненность и точность взгляда («лицом к лицу лица не увидеть»)? Если и можно объяснить подозрительное отношение к Яшину клубными пристрастиями, то определял его скорее не проторпедовский, но антидинамовский настрой, подкрепляемый, по-моему, неадекватностью нилинского восприятия еще и Аркадия Чернышева с Александром Мальцевым.

Клубные и персональные симпатии и антипатии – личное дело каждого, но в связке с идеологическими фантомами они запросто могут исказить достоверность исторических суждений. С моей точки зрения, принадлежность яшинского клуба к известному силовому ведомству, некогда в народе именовавшемуся «органами», не бросает никакой тени на самого Яшина.

Разубеждать кого бы то ни было в негативном восприятии карательных злоупотреблений нет ровным счетом никаких оснований, но ведь «органы» включали и «позитивные», героизированные звенья (разведка, погранвойска). Эта поправка не смягчает, однако, априори негативное отношение к «Динамо» со стороны значительной части околоспортивной интеллигенции, хотя среди динамовских поклонников хватало популярных личностей – от «короля оперетты» Григория Ярона и виртуоза скрипки Эдуарда Грача до возведенных в символы свободомыслия маститого драматурга Леонида Зорина и шахматного гения Михаила Таля. Но как бы то ни было, клубно-ведомственная принадлежность Яшина имеет к его человеческой и спортивной природе такое же касательство, как выдуманная советская «официозность». Смешно видеть в нем «шестидесятника», но открытость в общении и человек-

ность поступков относят Льва Ивановича скорее к детям «оттепели», нежели тоталитаризма, получившего высшее организационное воплощение в том ведомстве, которое курировало динамовцев.

Погоны этого ведомства, очевидно, дополняли желание искусственно пришить Яшина к официальной идеологии, а отсюда, скорее всего, и плохо скрываемое неприятие плодовитым литератором, который признается, что вообще-то знал его самого плохо. Не напоминает ли это осуждение «Доктора Живаго» людьми, которые роман Бориса Пастернака не читали? Или сценку конца 90-х в «Футбольном клубе» НТВ, где тогдашний президент «Крыльев Советов» Герман Ткаченко, участвуя в дискуссии на тему, кто лучше – Пеле или Марадона, без тени смущения дважды повторил, что выбирает, безусловно, Марадону, поскольку... Пеле не застал и, стало быть, не видел.

Ложно политизированное столкновение «фольклорного» Стрельцова и «скучно канонизированного» Яшина неправомерно и по другой простой причине. Даже если у каких-то партийных проповедников и было желание его «канонизировать», это характеризует лишь самих «канонизаторов», действительно навевающих смертную тоску, но уж никак не Яшина – неугасшая еще память о его жизнелюбивом нраве, энергетике и ауре, притягивавших любое окружение, отчаянно сопротивляется всем этим словесным упражнениям, бросающим на него тень какого-то коммунистического святоши.

Искусственную заданность такой фальшивой трактовки Нилин выдает (и тем самым дезавуирует) своим же наблюдением с близкого расстояния, когда столкнулся с ним на каком-то спортивном вечере и углядел в Яшине нормального живого человека – компанейского, свойского, юморного. Правда, любитель застольных тостов, анекдотов и танцев до упаду был при этом еще порядочным, добросовестным и обязательным, то есть, видно, раздражающе «правильным». Может быть, теперь, во времена воругов, бездельников и вольнодумцев, это криминал?

Доморощенные «полемисты-вольнодумцы» захотели быть, как говорится, святее Папы Римского. Западные комментаторы, привыкли цеплять советских спортсменов, кем только их не выставляли – неулыбчивыми роботами, слепыми исполнителями тренерской воли. Гимнастку Людмилу Турищеву, например, окрестили «плакатной чемпионкой». Ее дисциплинированность и усердие, сосредоточенная и порой насупленная физиономия раздражали тамошних газетчиков, которые больше благоволили к живой и непосредственной Ольге Корбут. Не хочу сказать, что их отношение к серьезной спортсменке было справедливым, но Яшин такой подозрительности вообще избежал.

Его ответственность и концентрация не отменяли естественности поведения и непринужденности общения – придраться было не к чему. Но роль язвительных хулителей с Запада взяли на себя наши критиканы. Отталкиваясь не от реальности, а от схемы, которую себе придумали, вообразили, что знают, как отличить «чистых» от «нечистых», вот и появились искусственные антиподы.

Противопоставление Яшина Воронину со Стрельцовым уводит и от цивилизованной нормы судить человека в первую голову по его делам, достигнутым результатам, реальным заслугам. У нас же традиционно принято сдабривать, наращивать заслуженную славу еще и житейскими приключениями и драмами. Видно, глубоко укоренилась в народном сознании измученность несчастной, убогой жизнью и издевательствами власть имущих, теми же массовыми репрессиями, даже не со сталинских – более ранних времен. Вот откуда берется если не любовь (что в русском понимании равнозначно жалости), то слабость к людям битым, гонимым, оскорбленным, увечным. К чему это привело в новейшей истории России – вопиют последствия народного выбора в пользу деятеля, которого преследовала партийная верхушка, а возмущенное этим общество посадило себе на шею и до сих пор расхлебывает последствия.

Никак, по-моему, негоже играть на этой слабости, провоцируя контрастное отношение к большим футболистам. И еще на особенностях национального характера, выраженных типично русской поговоркой «пьян да умен – два угодя в нем» (с добавлением давней футбольной поговорки отечественного же происхождения «кто не пьет, тот не играет»). Воронин со Стрельцовым полностью соответствуют смыслу крылатой фразы – оба были воплощением футбольного ума. Но первое-то угодьё, вышедшее обоим боком, их биограф подает вполне сочувственно, с заметными нотками оправдания.

Вовсе не милые шалости торпедовских премьеров иногда даже немного смакуются. Этот род влечения преподносится как беда, а не вина, а та перекладывается на что угодно – режим, менталитет, обстоятельства, лишь бы снять с них самих. Но еще классики, те же Шекспир и Толстой, не раз отмечали, что поведение человека больше зависит не от общественного устройства, а от него самого, его стержня, характера. Уж как гнобили Анну Ахматову и Бориса Пастернака, однако они оставались самими собой. Никакие преследования не мешали самовыражению Сергея Параджанова. И основные беды обрушил на Воронина и Стрельцова не столько режим, сколько они сами на свою голову. Точно так же жизненное равновесие, да и осложнения, выпавшие Яшину, вытекали не из одной только государственной снисходительности или высоты его общественного взлета.

Да, режим наказал Эдуарда Стрельцова за деяние, судя по всему, юридически не доказанное, слишком жестоко, но как бы все ни происходило на этой проклятой даче в предшествии ареста, он сам дал повод для развития подсудной ситуации, которая привела первым делом к отчислению (вместе с участниками той же попойки Михаилом Огоньковым и Борисом Татушиным) из сборной СССР и ее заметному ослаблению накануне дебюта на чемпионате мира 1958 года. К сожалению, «пьяная» тема слишком часто обозначала свое губительное присутствие в судьбах российских футболистов. Недаром Мартын Мержанов как-то сказал, что все беды нашего футбола начинаются с того, что он «по циклолотку в водке» (хотя в наше время алкогольная зависимость российских футболистов заметно убавилась – они попрактичнее, страшатся потерять серьезные деньги).

Яшин же, уверен, вообще не мог попасть в переплет, подобный стрельцовскому или воронинскому. И не в том соль, что, вовсе не дурак выпить, он был лишен привычки хлестать как сапожник. Сейчас совсем не модно толковать о честности человека перед собой, товарищами, делом, но эти полузабытые устои для меня главный стержень его натуры, породивший особую щепетильность к своим обязанностям, собственным промахам и ошибкам, действительным и кажущимся.

Никто как он не терзался ответственностью за игру и положение команды. Никто как он так не волновался, наподобие самых больших актеров, перед любым выходом на поле, эту сценическую площадку футбола (умудрялся иногда даже найти укромный уголок в подтрибунных лабиринтах, чтобы снять предматчевое напряжение двумя-тремя затяжками припрятанного курева). Никто как он не вкладывал в игру столько души и беззаветности (был в 1959 году редакцией «Московского комсомольца» даже награжден специальным призом как самый самоотверженный футболист). Никто как он не терзался и избыточными послематчевыми переживаниями, особенно если сам напортил или ему почудилось.

«Он очень близко к сердцу принимал свои ошибки, но не любил говорить об этом, – вспоминал Михаил Якушин. – Бывало, курит одну за другой после игры. И молчит...» Другое дело, что это самоедство уже в следующем матче переламявалось его же профессионализмом, возвращая партнерам и болельщикам прежнего Яшина, свежего и готового к новой борьбе.

Как мне кажется, во сто крат важнее смакуемой «фольклорности», что «официоз» никогда не предавал ни свое дело, ни свою команду. Ладно, уберем высокие слова. Если не считать ошибок на поле, иногда серьезных (а игроков, избежавших их, вообще не суще-

ствуем), он не подводил тех, кто возлагал на него особые надежды – ни товарищей по команде, ни тренеров, ни болельщиков. Не сражал их наповал разобранностью, исчезновением со сборов, тем более дебошами или скандалами с последующим отчислением. Не подводил никогда, как его ни обзывай.

Мне по-человечески жаль Эдика Стрельцова, этого легковверного добряка, позволявшего впутать себя в проигрышные житейские ситуации. Но разве человека, навязываемого ему в антиподы, не жаль? Многим болельщикам, которые годами наблюдали на футбольном поле несменяемого Яшина и начитались о нем засахаренных очерков, соответствующих забытой уже «теории бесконфликтности», казалось, особенно в сравнении с тем же Стрельцовым, что он баловень судьбы: более чем успешен, да еще долгожительствует в любимом деле, материально обеспечен (разумеется, по советским меркам), не вылезает из-за границы, непреременный участник всяких торжественных церемоний, любим и почитаем пестрой публикой. Не берусь уравнивать стрельцовские тяготы с яшинскими, но непреложный факт, что баловень всемирной славы, увы, не стал баловнем безмятежной жизни.

Футбольная судьба Яшина была полна драматических испытаний, начиная с затяжного, крутого, изматывающего подъема в большой футбол, ожесточенных попреков за действительные и мнимые вратарские неудачи и кончая неприкаянностью, неудовлетворенностью в постфутбольной жизни и многочисленными болезнями, которые довели его до могилы. И уже поэтому внушаемый нам контраст между самыми грандиозными фигурами советского футбола не очень-то вырисовывается.

Футбол, вне сомнения, сфера творчества, особенно когда речь идет о таких крупных мастерах, а, согласно Стендалю, «творчество не может обойтись без людей немного меланхоличных и в чем-то несчастных». Почему, другой вопрос, но у нас ведь принято считать иначе. «Довольно распространено мнение, – пишет один из самых ярких спортивных журналистов яшинской поры Евгений Рубин, – что слава часто приходит к своему избраннику не одна, а в сопровождении неразлучных с ней спутников – счастья и удачи». На примере Яшина, плотно соприкоснувшись с ним, Рубин убедился, что это сильное заблуждение. Помоему, достаточно честно и доброжелательно он попытался разобраться в книге «Пан или пропал!» (2000), почему, покинув поле, Лев Иванович временами опускал руки. Но, ухватившись за слово «лень», вырвавшееся в сердцах из уст самого близкого Яшину человека, так и не докопался до сути. Я же считаю, что «лень» и «Яшин» – понятия несовместные. Так что на последующих страницах возьму на себя смелость в попытке разобраться, почему же вратарь-грузчик чувствовал себя так некомфортно, когда перестал ступать на футбольное поле, хотя и остался в самом футболе.

Я немного затянул спор с критиками Яшина, потому что их малочисленность компенсируется невероятной, порой назойливой активностью, если не агрессивностью позывов, коли уж низвергнуть невозможно, хоть как-то ослабить, хоть чуть пришпорить высочайший авторитет Яшина в футбольном сообществе. К тому же среди читателей найдется немало тех, кто в силу возраста и (или) малой осведомленности может принять измышления за чистую монету и утвердиться в ложных представлениях. Особенно опасной мне представляется новая, к тому же беспочвенная идеологизация по советским лекалам, только с обратным знаком, сводящаяся в конце концов к обыкновенному попустительству личной ли, общественной ли привычке холить и лелеять отрицательное обаяние (иногда говорят: обаяние порока) заметных исторических фигур, использовать негативный заряд жизненных передряг для придания им большего веса в незрелом сознании и, наоборот, возбуждать недоверие к людям чести и долга, лицам, ничем не замаранным, уважаемым и достойным только доброго отношения. А таким и был Лев Иванович Яшин.

Глава третья Истоки. Уроки. Укоры

Истоки

Наших футбольных маэстро, увы, скорее объединяет, чем разъединяет печальная участь слишком раннего прощания с бранным миром, прекрасным и жестоким. Долгожитие среди них тоже, конечно, случается, но очень уж типична до слез обидная трагедия внезапного земного обрыва. Главным образом потому, видно, что живем мы в стране, по которой можно писать историю нескончаемых народных невзгод, гениально сконцентрированную Владимиром Высоцким всего в одной песенной строке – в ней соль российского существования: «А беда на вечный срок задержалась...» И наше проклятие в том, что не умеет Россия ценить и беречь своих сыновей, особенно лучших из них, ни на кого не похожих, выбивающихся из общего ряда, да еще способных, как нигде, коверкать собственную жизнь.

Сейчас-то время, когда не доживают до старости в массе своей и простые смертные. При таком жалком существовании большинства – недоедании, стрессе, нездоровье, пандемии алкогольных отравлений, наркомании, дорожных катастроф, убийств и самоубийств, бедственном состоянии здравоохранения – удивляться не приходится. Но яркие творческие индивидуальности во все времена были поражены вдобавок одним родом недуга – чрезвычайной чувствительностью, обостренным восприятием суровой реальности, а оно, как правило, усугублялось государственным лицемерием и равнодушием. К Яшину, отличавшемуся не одной лишь вратарской – еще и душевной реакцией (Лев Филатов нашел ему по обыкновению самое точное определение – «комоч совести»), это относится в большей степени, чем к любому из его футбольных друзей и сподвижников, – уж слишком близко к сердцу принимал несправедливость и чиновничью немилость, да и треволения спортивных испытаний.

Но независимо от того, как игроки его или смежных поколений (а по всем данным, они главное украшение биографии российского футбола) переживали и страдали – держали нервы, обиды, собственные комплексы в узде или топили в водке, многие из заслуженных ветеранов мучительно доживали свои последние годы, месяцы, дни и слишком рано покинули нас.

Мартиролог безвременных футбольных утрат выглядит ужасающе: Лев Яшин, Эдуард Стрельцов, Игорь Нетто (по опросу любителей футбола, тройка лучших игроков страны за последние 50 лет), лидеры предшествующего футбольного поколения Григорий Федотов, Всеволод Бобров, Алексей Хомич, Владимир Никаноров, Александр Пономарев, Сергей Соловьев, Сергей Сальников, ровесники и младшие партнеры головной тройки Анатолий Масленкин, Борис Татушин, Эдуард Дубинский, Валерий Воронин, Виктор Аничкин, Игорь Численко, Альберт Шестернев и многие, многие другие. Разве не горько, что среди призеров мирового первенства 1966 года – футболистов Англии, ФРГ, Португалии почти все живы и здоровы, и только бронзовых медалистов из СССР осталось меньше, чем покинуло этот свет.

Сколько скорби и трогательности таилось в глазах англичан, целую неделю прощавшихся на стадионах и в соборах с безвременно ушедшим в 2009 году чемпионом мира Алланом Боллом. А у нас преждевременные футбольные кончины стали привычным обыкновением.

В глазах так и застыли кадры документального фильма о судьбах именно этого поколения футболистов и других спортсменов – Валерия Брумеля, Юрия Власова, Льва Яшина, Эдуарда Стрельцова, Валерия Воронина... Название ленты, выпущенной в годы пере-

стройки, к сожалению, стерлось, а визуально трагические лица героев киноповествования до сих пор перед мной. Если бы не совсем рано ушедший Воронин, в то время мы были еще вправе повторять песенные строки: «Все еще живы, все еще живы, все...». А сейчас из них с нами остался, кажется, один Юрий Власов.

Невозможно было сдерживать слезы, когда проплывали заключительные кадры фильма – пусть постановочные, но самые щемящие: Лев Иванович Яшин на безлюдном стадионе «Динамо», опираясь на подлокотник костыля, последний в жизни раз занимает давно оставленное место в тех самых воротах, с которыми сроднился за два десятка лет, гладит на прощание штангу и словно нехотя, медленно, затрудненно покидает изумрудное поле, а камера, все дальше удаляя и тем самым уменьшая еле передвигающуюся фигуру, наращивает вокруг нее вакуум пустого пространства. Так и впечатался в сознание этот многоликий символ – и горького одиночества, и заброшенного, а может, выброшенного за борт поколения победителей, да и всей уходящей эпохи.

Но если финиш российских футбольных знаменитостей часто похож драмой преждевременного ухода, то загораются светила по-разному. Таланты, даже гении раскрываются двояко. Одни обнаруживают себя сразу, покоряют сердца без труда, хотя и не могут без него поддерживать свою природную одаренность. Другим требуются долгое время и отчаянные усилия, чтобы вытащить наружу глубоко запрятанные способности. Труд для них, вопреки старым законам фотографии, одновременно проявитель и закрепитель, главное условие прораствания таланта. Тот же Стрельцов был рожден футбольным вундеркиндом и поражающе воображение уже в 17 лет. В таком же возрасте без видимых усилий занял ворота сильного армейского клуба и сборной России сегодняшней последователь Яшина – Игорь Акинфеев. А сам Яшин горбом зарабатывал место под солнцем и продрался в основной состав «Динамо» только к 24–25 годам.

Уже достаточно испив из чаши славы, Яшин осознавал, что он-то из простых смертных, потому что слишком хорошо помнил, как нелегко она доставалась. В «Записках вратаря» (1976) сравнивал: «Спорт открыл миру многих выдающихся людей. Разные они представляли явления – «человек-гора», «человек-молния», «человек-дельфин», «человек-птица». В прозвищах этих выражено удивление перед сотворенным природой чудом и преклонение перед теми, кто не похож на нас, смертных. Не могу пожаловаться, что спортивная слава обошла меня стороной. И писали обо мне тоже немало. Но никогда не доставалось на мою долю эпитетов вроде «человек-птица» или «тигр». И это справедливо. Я к категории феноменов не принадлежу. Никогда ноги не хотели меня подбрасывать в воздух сами, наоборот, отталкиваясь для очередного прыжка за мячом, я ощущал, как велика сила земного притяжения. Никогда мяч не лип к моим вратарским перчаткам сам, наоборот, нас с ним связывали отношения, какие связывают дрессировщика с коварным и непокладистым зверьком. Так что, если мое имя и осталось в футболе, то обязан я этим не матери-природе и не счастливым генам. Чему же? Дать ответ непросто. Наверное, прежде всего тем, среди кого рос и воспитывался, кто учил меня работать и играть в футбол. Обязан обстоятельствам, сделавшим мою жизнь такой, а не иной. Наверное, самому себе я тоже обязан, потому что, трудясь, не страшился измазать руки, не кривил губы от соленого пота, не стеснялся признаваться себе в собственных слабостях...»

К тяготам жизнь приучила рано, очень даже рано. Леве не исполнилось и шести, как умерла мать, Анна Митрофановна. Отец, Иван Петрович, рабочий-шлифовальщик авиазавода, с утра до позднего вечера пропадал на предприятии. Предоставленный сам себе, сын начал было отбиваться от рук. Целыми днями торчал во дворе, шлодничал вместе с другими сорванцами. Это был обыкновенный двор на Миллионной улице в Богородском близ Сокольников.

Дом, где рос будущий вратарь, принадлежал заводу «Красный богатырь». На заводе этом работали мать, дядья, тетки, жившие одной большой семьей со всем своим потомством в трехкомнатной квартире первого этажа. Всего шаг из окна вел во двор, который был населен, даже перенаселен живым, шпанистым ребячьим народом. Развлекались как могли. Играли в казаки-разбойники. Гоняли в футбол тряпичным или дермантиновым мячом, купленным вскладчину. Зимой сами заливали каток и носились до упаду. Многие держали голубей, и Лева с отцом тоже.

Тогда, да и позже, во времена уже моего, послевоенного детства, это были самые популярные дворовые занятия. Но соседствовали они с менее безобидными. Лев Иванович вспоминал, что в кривобоких темных сараях, теснившихся во дворе, изготавливали железные пистоны, чтобы подкладывать под трамвайные рельсы. Когда по ним проходил трамвай, все окрестности, к испугу прохожих, оглушали автоматные очереди этих шутейных взрывов. Зимой с покатых сарайных крыш прыгивали на лыжах, как с трамплина, возвращаясь домой с ушибами и синячищами. Подолгу катались на трамвайных буферах.

Однажды зимой, рассказывал через много лет Иван Петрович, Левка прибежал домой весь зарезанный в одном валенке. Оказывается, второй при таком катании соскочил на ходу, сын через какое-то время прыгнул, помчался назад по путям, но пропажу так и не нашел. Вот тогда отец совершил поступок, на который долго не мог решиться. Нет, не надрал уши, не отшлепал его, на это не был способен, а... второй раз женился. Ко всему прочему понял, что сыну нужен женский догляд.

В дом вошла новая хозяйка – Александра Петровна, ставшая ему второй матерью. Они понравились друг другу. Родился младший братишка – Борис. Но «лафовой» жизни скоро пришел конец. Конец детства, которое так крепко врубилось в его память:

«Мне посчастливилось участвовать в четырех чемпионатах мира, выступать в команде, выигравшей Кубок Европы, играть в знаменитом «матче века», на мой прощальный матч собрались крупные звезды мирового футбола. Но вот странная вещь: многие детали этих событий стерлись, а детство, рядовое детство рядового мальчишки, стоит у меня перед глазами. Думаю я, произошло это потому, что слишком коротким было оно, детство ребят, родившихся в конце 20-х годов. Мальчишки и девчонки моего поколения учились на токарей, нянчили маленьких братишек и сестреночек, стояли в очередях за хлебом, мечтали о побеге на фронт и лишнем куске рафинада. Мы приносили домой полочки и рабочие карточки. В общем с детством пришлось расстаться задолго до срока. Тогда мы этого не понимали, а теперь я часто вижу себя маленьким, иной раз во сне вижу. Проснешься и думаешь: эх, пожить бы во сне еще хоть часок...»

В июне 1941 года Александра Петровна отвезла Леву в деревеньку близ Подольска, к родным, на летние каникулы. Но походы в ночное, по грибы, долгожданная рыбалка так и не состоялись. Через несколько дней началась война, и мать вернулась за ним, чтобы отвезти обратно, в Москву. В доме все чаще звучало незнакомое слово «эвакуация».

В октябре загрузились в эшелон, отправлявшийся под Ульяновск, куда срочно перебазировали отцовский завод – знаменитый 500-й. Жили в палатках, потом в бараках впроголодь, мотались в деревню за десяток километров, чтобы обменять вещички на еду, а Лева пришлось сперва нянчить малыша-брата и, едва закончив пятый класс, 13-летним встать к станку, вкалывая по две смены вместо ушедших на фронт.

Случилось приобщение к суровой взрослой жизни в начале осени 1943 года. Никакой неожиданности для Левы не было, он сам постоянно канючил:

– Пап, а пап, возьми меня с собой на завод.

– Мал еще, давай учись, – раздавалось в ответ.

Но однажды отец вернулся с работы озабоченный. Молчал-молчал, а потом произнес, обернувшись сначала к жене:

– Из цеха ушли на фронт несколько молодцов. Пусть-ка Лева поработает. Завтра пойдем, сынок, собирайся.

Мать тут же подогнала под Левин рост отцовскую спецовку. В ней новый ученик слесаря щеголял между станками в свой первый рабочий день. Едва обучившись, включился в выполнение срочных заданий, вместе со всеми дневал и ночевал в цеху.

Из учеников совсем скоро вымахал до слесаря третьего разряда. Гордился знаете чем? Полной рабочей карточкой, по которой – кто не знает – покупались продукты питания (норма снабжения рабочих была больше, чем у служащих и инженеров). Считал: раз получил ее, значит, стал настоящим рабочим. Подрос братишка, и мать тоже пошла на завод. Радовался: сразу две рабочие карточки – подспорье в скудном рационе семьи!

Тогда же был открыт счет бесчисленным публикациям о Яшине. Правда, не о нем персонально, а о всей семье поместила заметку заводская многотиражка под заголовком «Рабочая династия», но Лева был тоже упомянут. Отца, впрочем, заметка немало смутила:

– Чего шумят? Живем как все.

Реакцию отца на публичную похвалу Лев запомнил навсегда. Когда публикации о вратаре Яшине еще струились ручейком, почти теми же словами спрашивал себя и ближайшее окружение:

– Чего шумят? Делаю дело, как могу, только и всего.

Когда же ручеек превратился в неостановимый поток, махнул рукой, хотя продолжал рассуждать точно так же.

Какие бы почести потом ни доставались, так и не мог забыть, как военной зимой 1943 года лютый холод вынуждал рабочих раскладывать между станками костры. К вечеру Лева сваливался от усталости и засыпал прямо под верстаком в коробке из-под инструментов. Боясь, что мальчишка заснет во время работы и попадет в станок, обучавший его пожилой рабочий совал ему самокрутку со злощей махрой. Он и закурил на всю жизнь. Человек сильной воли, тем не менее бросить не смог, смолил украдкой, а потом уж почти не таясь, даже на сборах и после матчей.

Возможно, Яшин не сумел забросить дурную привычку и потому, что любимому футболу, как ни странно, она не стала поперек дороги. Как-то один из авторитетов тренерского клана, предводитель «Динамо» Якушин, недаром званный хитрым Михеем, перебрав без всякой пользы разные меры воздействия на ученика, решил ужалить злого курильщика, казалось, неотразимым доводом: «Завязывай, ты уже и реакцию потерял». Стали Яшина проверять на стенде, а реакция-то прежняя, намного превосходящая сноровку некурящих вратарей. Безостановочное курение на протяжении десятилетий в чудовищной связке с физическими и нервными перегрузками привело в итоге к сужению артерий нижних конечностей, спровоцировало другие нараставшие болезни. «Зло наказано», – горько усмехался Яшин, когда остался без ноги: на излете жизни был склонен к черному юмору.

А на излете войны, в начале 1944 года, завод снова отправился в Москву, и семейство Яшиных, естественно, – вместе с ним. Со своим жалким скарбом въехали они в свой двор на Миллионной, обнимались и целовались с многочисленной родней. Но вместо двора, куда вел всего один прыжок из окна квартиры, пришлось теперь каждый день совершать более длинное путешествие – через всю Москву из Сокольников в Тушино, где в пустовавших три года цехах заработал ставший своим теперь и для него завод.

Вскоре после Победы 16-летний Лев Яшин был удостоен своей первой награды, которую считал самой дорогой, – медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов». Тогда впервые сидел в президиуме собрания, где вручали медаль. Шел на сцену бочком, чуть ссутулившись, отводя глаза от стеснения перед залом. Когда поднялся получать награду, покраснел от объявления в микрофон: «Медаль вручается одному из лучших слесарей завода». А из зала кто-то крикнул: «И футболисту!» Ему показалось, апло-

дисменты стали сильнее. Сколько потом придется сидеть в президиумах, получать орденов, спортивных наград. И уже не под аплодисменты – под бурю оваций, когда весь зал, а то и целый стадион вставал как один человек. Не ритуально, как приветствовали вождей, а искренне, в едином порыве симпатий, уважения, почтения, позже – еще и сострадания, сопереживания мужеству спортсмена, которого постигла беда.

Первая награда мало что меняла в привычной каждодневности. Освоив еще в эвакуации слесарное дело, научился и другим рабочим профессиям, мог теперь дать фору и строгальщикам, и шлифовальщикам, параллельно учился в вечерней школе, или, как тогда принято было называть, школе рабочей молодежи. Но только молодая жизнь потекла как по маслу (работа, учеба, футбол с хоккеем, девочки, танцы), произошел срыв, подобный тем, что многих посещает в переходном возрасте. Впрочем, только казалось, что как по маслу.

Восстановление страны требовало от людей не меньше усилий, чем всенародный клич «Все для фронта, все для победы!». Напряжения в работе у Льва не убавлялось, требовалось время и на учебу. Пока не переехали в Тушино, где отец получил жилье в заводском доме, дальняя дорога – известное выражение гадалок – стала для молодого рабочего ежедневным испытанием. Он выходил из дома полшестого утра, садился на трамвай, пересаживался в метро, снова на трамвай, такой же путь проделывал домой. Уже темнело, когда совершал обратный маршрут. На дорогу в обе стороны уходило больше трех часов. Беззаботное детство напоминали только поездки на буфере заднего вагона. Привычно и без расходов. Маршрут Сокольники – Тушино – Сокольники был последним, где хитрил, не считая, разумеется, мелких футбольных хитростей. Трамвайная экономия касалась, однако, только средств, но не сил. Видно, не на шутку надорвал их, форсировал в военные годы.

В судьбе Яшина не раз наступало смещение во времени: раннее взросление, позднее признание. Вот и в переходном возрасте ему было не до своего состояния, некогда было срываться. «А потом накопившаяся за годы усталость начала давать о себе знать, – много позже задним числом удивлялся самому себе Яшин. – Что-то во мне вдруг надломилось. Никогда не слыл я человеком с тяжелым или вздорным нравом. А тут ходил какой-то весь издерганный, все меня на работе и дома стало раздражать, мог вспыхнуть по любому пустяку. После одной такой вспышки я собрал свои вещички, хлопнул дверью и ушел из дому. Ходить на завод тоже перестал».

Прервем ненадолго исповедь Яшина, чтобы рассказать о забавном последствии добровольного расставания с заводом, которому отдал больше пяти лет. Когда в 1949 году оформлялся в «Динамо», в трудовой книжке не оказалось записи об увольнении. Строгие динамовские кадровики сразу обнаружили непорядок. Льву, служившему тогда в армии, надо было брать увольнительную, чтобы уладить на заводе это недоразумение. Но беглецу еще и стыдно было в глаза смотреть сослуживцам, начальнику цеха. Тот понял состояние своего любимца, не затаил обиду и задним числом написал за него заявление об уходе по собственному желанию, и пробел в трудовой книжке, к динамовскому удовлетворению, был устранен.

Продлим, однако, попытку самого Яшина разобраться в казусе, с ним, 19-летним, случившимся, когда бежал отовсюду – из дома, с работы, от самого себя. Что это было? «Хандра? Депрессия? Не знаю. Знаю только, что посетила она меня единственный раз в жизни... Положение становилось все безвыходнее. По всем законам я был прогульщик, и на меня распространялись соответствующие указы об уголовной ответственности. Надо было что-то делать...»

Выручил советом кто-то из взрослых:

– Надо идти добровольцем на военную службу. За это многое тебе может проститься.

И Лев Яшин отправился в военкомат. Его определили во внутренние войска.

Видно, уже с ранних лет так притерпелся к житейским ухабам и рытвинам, что это пригodiлось в главном, вернее единственном деле его жизни – футболе, хотя и это дело долго не клеилось.

Лев Иванович признавался, что не помнит, были ли в школе, где учился до пятого класса, уроки физкультуры. А физкультурная самодеятельность состояла в том, что выскакивали буйной ватагой на большой перемене в школьный двор и до звонка гоняли в футбол. После уроков – тоже, потом перебегали в свой, около дома, пиная по дороге непослушный мяч, сплетенный из толстой веревки. В войну было не до футбола, еле добирался до постели. Когда вернулся в Москву, как-то увидел в заводской проходной объявление: «Желающие играть в футбол, записывайтесь у В.Чечерова». Он сразу отправился искать указанную в объявлении комнату, где можно было этого В.Чечерова найти. Уже вечером стоял в неровном строю тощих, нескладных сверстников, явившихся на заводской стадион, куда, кстати, выходили окна нового яшинского жилья. Одеты новоявленные футболисты были кто во что горазд – переминались с ноги на ногу в курточках и спецовках, лыжных фланелевых штанах и ситцевых шароварах, сапогах и тапочках. Ходивший вдоль разношерстного строя человек в выцветшей гимнастерке измерял каждого строгим взглядом и определял место в команде.

Остановившись перед Яшиным, Владимир Чечеров приказным тоном молвил:

– Будешь стоять в воротах.

Считавшийся, да и считавший себя нападающим, притом приличным бомбардиром, Яшин не нашелся ни для вопроса «почему?», ни для возражения, хотя было ему обидно до слез, за что же такое наказание – может, подумал позже, за долговязость, чтобы доставал верховые мячи. Но у фронтовика оказалась, как потом убедился, легкая рука. Искалеченная, правда, на фронте, так что мастеру спорта по пинг-понгу (а только так и называли тогда настольный теннис) Чечерову пришлось это занятие прекратить и в 25 лет переквалифицироваться в футбольного тренера. Новые ученики были не намного младше, но уважительно обращались к нему «дядя Володя». Лев Иванович никогда не забывал, как заботился о них этот «светлый человек, энтузиаст, бессребреник».

Казенную форму и бутсы выдали набранным в юношескую команду не сразу. Сначала надевали собственную обувь, купленную на свои кровные, потом доставались выдавшие виды бутсы, разлапистые и изношенные футболистами взрослой команды, и только через несколько месяцев – новое футбольное обмундирование. Тренировались и играли битыми-перебитыми, латаными мячами, в которых то и дело лопались камеры. Зато до футбольного поля из новой квартиры было рукой подать, как когда-то до любимого двора в Сокольниках.

Каждая неделя кончалась праздником. По воскресеньям, а это был тогда единственный выходной, собирались у проходной с фибровыми, коваными по углам чемоданчиками, предшественниками сегодняшних роскошных баулов, забирались в полуторку и отправлялись на главный районный стадион играть на первенство Тушино. На стадион Яшин входил уже с двумя чемоданчиками, совершенно одинаковыми. Второй доверял ему носить вратарь мужской команды и первый кумир новичка Алексей Гусев. Носить, семена за владельцем, его чемоданчик, означало признание старшего по рангу. Раз доверял тебе, значит, человек ты стоящий!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.